

Жюль Рюсс

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ РОССАНА

Жюль Рюссо

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ РОССАНА

ПОВЕСТЬ

Перевод
с итальянского

МОСКВА „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1984

И (Итал)
P89

Enzo Russo
SEQUESTRO A MANO ARMATA
Arnoldo Mondadori Editore, 1977

Перевод с итальянского
Г. БОГЕМСКОГО

Рисунки
Е. МИГУНОВА

Руссо Э.
P89 Следствие ведет Россана: Повесть/Пер. с итал.
Г. Богемского; Рис. Е. Мигунова.— М.: Дет. лит.,
1984.— 111 с., ил.

В пер.: 40 к.

Остросюжетная повесть о том, как в наши дни четверо итальянских школьников, возглавляемые дочерью комиссара полиции Россаной, помогают раскрыть преступление.

Р 4803020000 —256 527—84
M101(03)84

И(Итал)

Перевод на русский язык, Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1984 г.

«Ну, вроде все прошли, можно и передохнуть», — подумал старик Пьеро, провожая взглядом последних ребят, исчезавших один за другим за дверями школы, шагах в десяти от его лотка. Теперь могли появиться только бегущие со всех ног опоздавшие. А тем, кто опаздывает, некогда останавливаться у лотка, чтобы выбрать себе на завтрак булочку или бутерброд.

«Сейчас самое время выкурить трубочку», — решил Пьеро и начал шарить обеими руками на полке под лотком, где держал свою трубку с высокой чашечкой — самую подходящую для такого ветреного дня, как этот. Пока он ковырялся в трубке, соскребая слой за слоем старый нагар, дорогу сломя голову перебежали трое школьников. Сначала они чуть было не угодили под хлебный фургон — видно, задремавший за рулем шофер их даже не заметил, — а потом под велосипеды двух ехавших рядом девушек. Старик улыбнулся промчавшейся мимо него тройце.

— Привет, дядюшка!

— Привет, Пьеро!

— Здравствуй, дедуля!

Кашляя и посмеиваясь, Пьеро помахал им в знак приветствия, держа в руке свою трубку, уже наполовину набитую крепким дешевым табаком.

«Если бы не этот противный ветер, был бы день как день», — решил про себя старик. Но он ошибся.

С площади Тренто показался «Фиат-1750», весь подозрительно забрызганный грязью, и, вплотную прижавшись к тротуару, бесшумно подкатил к лотку. Продавец школьных завтраков даже не поднял головы, пока не услышал, как рядом с ним враз хлопнули все четыре дверцы машины. Потом он увидел лица — обращенные к нему с угрозой мужские лица, глаза — много глаз, глядевших на него пристально и недобро, и руки — силь-

ные и грубые, способные безо всякого труда поднять его, как ребенка. Он вдруг увидел небо, где ветер по-прежнему безжалостно гнал десятки испуганных облачков, и тут только понял, что происходит. Его швырнули в машину, трубка с высокой чашечкой выпала у него из рук, и он закричал от страха. Ветер набросился на негромкий голос старика, но не сумел совсем заглушить его, так как в этот момент вокруг было тихо и к завываниям ветра не примешивался шум улицы. Однако владелец цветочной лавки Ансельмо, протиравший витрину, даже не обернулся. Пожилая женщина, поливавшая на балконе дома напротив свою засыхающую герань, не подняла головы. Несколько прохожих и те, кто проезжал в редких в этот час машинах, тоже ничего не увидели и не услышали.

— Эй! — резко затормозив на бегу и обернувшись, крикнул Руджеро.

Фабрицио и Микеле уже вошли в школьный подъезд, но, услышав его окрик, разом обернулись.

— Живее проходите, не задерживайтесь! — поторопил ребят школьный сторож Джанфранко, подметавший пол в глубине вестибюля.

— Там увозят старика Пьеро! — закричал Руджеро, круто повернувшись на каблуках.

К подъезду вело несколько ступенек, и он одним прыжком перемахнул через них. За спиной он слышал топот бегущих следом друзей. Но, услышав, как хлопнули автомобильные дверцы, понял, что они уже опоздали.

— Стой! — задыхаясь, погрозил он вслед машине кулаком.

Один из похитителей высунулся из машины, в руке у него был здоровенный револьвер. Ребята, безнадежно пытавшиеся догнать автомобиль, едва успели броситься на землю, как над их головами просвистела пуля и впилась в древнюю каменную стену школы. Резко обернулись цветочник, женщина, возившаяся с геранями; вскинул голову велосипедист в шерстяной шапочке. Большой автомобиль, не обращая внимания на красный свет светофора, с рычанием прыгнул вперед, чудом не сбив двух девушек на велосипедах — тех самых, которые только что проехали мимо школы. За смехом и болтовней они даже не услышали выстрела.

Не прошло и минуты, как улица перед школой заполнилась народом. Из всех классов высыпали ребята, не говоря уже о жильцах соседних домов и нескольких десятках

прохожих. Бледный от волнения, директор школы Мартини тщетно пытался уговорить своих учеников возвратиться в здание. Он метался по улице, упрашивая и убеждая, а толпа сгрудилась у лотка, окружив трех ребят — свидетелей происшедшего; другие рассматривали глубокий след в стене, оставленный пулей. Первой к месту происшествия примчалась бело-голубая «газель». Из нее вылез старшина карабинеров. Его внимание сразу привлекла высокая, представительная фигура Мартини, и он обратился к нему за разъяснениями.

— Что здесь произошло? — спросил старшина, тронув директора за плечо.

Тот развел руками.

— Видите ли, я и сам толком не знаю. Спросите вот у них — у этих мальчиков: всё... ну, словом, всё произошло у них на глазах.

Трое ребят — Руджеро, Фабрицио и Микеле — поглядели на старшину. Старшина поглядел на ребят и про себя отметил: «Черт возьми, да они совсем еще сосунки!» И решил, что первым делом их надо успокоить, увести из этой толкучки. Об этом же подумал и директор.

— Желаете пройти в мой кабинет? — предложил он.

2

Размышляя, Россана имела привычку чесать себе голову. А чем длиннее отрастали ее кудри, тем труднее становилось это занятие. Трудно, нетрудно, но сейчас почесать в голове было просто необходимо.

— Я совершенно ничего не понимаю, — заявила она, уставившись на Руджеро и Фабрицио, стоявших перед ней с нахмуренными лицами и делающих вид, что внимательно слушают старую пластинку Бальони. Микеле не пришел. Он слег с температурой тридцать девять и пять, и ему, хочешь не хочешь, пришлось отказаться от приглашения Россаны.

— Ты где была в тот момент? — спросил Руджеро.

— Как это где? Конечно же, в классе.

— А выстрел слышала?

— Еще бы!

— А правда, что этим делом займется твой отец? — поинтересовался Фабрицио.

Россана пожала плечами.

— Думаю, что да, но не только он. Дело ведь очень серьезное.

— Как по-твоему, дядюшка Пьеро еще жив?

— Не сомневаюсь. Если бы эти типы хотели его прикончить, они могли сделать это на месте. Для этого вовсе не обязательно было тащить его с собой.

«Да, в самом деле, к чему им было бы его похищать?» — подумал про себя Фабрицио. Это было настолько очевидно, что его взяла досада, как это он сам не сообразил. Бальони продолжал распевать, и Фабрицио с любопытством взглянул на Россану, что-то горячо обсуждавшую с Руджеро. Она ходила в четвертый класс гимназии, а они учились уже в первом классе лицея¹, но как-то в начале учебного года познакомились на одном дне рождения. Говорят, этой темноволосой девчонке не раз удавалось утереть нос подчиненным своего отца в ходе самых запутанных расследований. Так ли это, Фабрицио не знал. Сейчас представлялся подходящий случай это проверить.

— Я тебя спрашиваю, что ты об этом думаешь? — вдруг услышал он обращенный к нему голос Россаны. Фабрицио вздрогнул.

— Что? Извини, я не слышал.

— Я спрашиваю: зачем, по-твоему, понадобилось похищать этого нищего старика?

— Понятия не имею. С самого утра ломаю над этим голову, но так ни до чего и не додумался. Эти типы, несомненно, профессионалы, а не какая-нибудь шпана. Кстати, не знаешь, их машину уже нашли?

— Нет. Час назад я звонила папе, но еще ничего не было известно.

— Странно, — заметил Руджеро, — обычно они бросают автомобили через несколько кварталов от места нападения. И бьюсь об заклад, что эта «1750» была у них краденая.

— Беда в том, что никто не разглядел номера.

— Слушай, даже если бы мне это и пришло в голову, я не стал бы терять времени на такую ерунду. Неужели ты думаешь, они были на своей машине?

¹ В итальянской одиннадцатилетней школе четвертый класс гимназии (средней школы) соответствует нашему восьмому, а первый лицея (полной средней школы) — девятому. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

Конечно, нет. Однако, эту «1750» так до сих пор и не жили...

А отец говорит, уже около недели не поступлений об угоне машин этой марки, — добавила Росс

джеро поглядел на нее с еще большим удивлением. Это значит, что ее угнали уже давно и спрятали льно для этой операции.

Или же украли в другом городе.

Нет, номер у нее римский. Это кто-то углядел.

Согласен, но ее могли угнать где-нибудь в окрест-Рима — во Фраскати, Остии или Тиволи.

трое замолчали, думая приблизительно об одном и . Столько труда, стараний и риска, чтобы похитить торговца бутербродами и сладостями? Старый сици-ьеро, которого все ученики лицея «Юлий Цезарь» называли «дядюшка Пьеро», с незапамятных времен ася этим своим скромным делом, и цены на его лй товар не повысились даже во время нынешней ии. Так что вряд ли можно было рассчитывать то у него в матрасе зашита пачка десятитысячных дий, да и, скопи он миллион-другой, его похитители дили на людей, способных удовлетвориться подоб-очью. Нет, единодушно решили про себя ребята, з этой истории вряд ли могут играть важную роль. они успели прийти к этому заключению, как шелк-ок входной двери.

«То моя мать, — сказала Россана. — Мама, мы

дравствуйте, ребята, — поздоровалась с гостями Да Валле, заглядывая в комнату.

Привет! — пропищал маленький Джорджо, прокла-бе путь между маминой юбкой и сумкой с покупками рсама.

Мама, ты приготовишь нам что-нибудь? — попроси-на.

ай подойдет? — спросила синьора Да Валле, обра-Руджеро и Фабрицио.

ать по правде, Фабрицио предпочел бы кока-в знак согласия кивнул головой. Сказать по правде, ро не отказался бы от чего-нибудь другого, но что чай — это просто замечательно.

орошо, через пять минут будет чай.

ни на пластинке затянул новую песню, и разговор

возобновился. Может быть, причиной похищения была месть? Куда могли увести старика? С чего начала свои поиски полиция?

— Твой отец тебе ни на что не намекал? — спросил Фабрицио.

Из другой комнаты, приглушенный закрытыми дверями, донесся телефонный звонок. Затем телефон прозвонил еще раз.

— Нет, ни на что. Он не приходил домой обедать. Но вечером я постараюсь из него что-нибудь вытянуть, конечно, если он вернется не слишком усталый.

Проигрыватель был запущен на полную громкость, и ребята не слышали, как открылась дверь.

— Россана!

Синьора Да Валле рассмеялась, увидев, как все трое вздрогнули от неожиданности, одновременно обернувшись.

— Я вас испугала? Россана, отец просит тебя немедленно приехать в полицейское управление.

— Зачем?

— Этого он мне не сказал. Но ты поторопись, уже поздно.

— Хорошо.

— Я подвезу тебя, — предложил Руджеро, у которого внизу был мопед.

Россана не заставила себя долго ждать. В две минуты натянула сапоги, схватила с вешалки куртку и, пробегая мимо зеркала, обеими руками на ходу пригладила кудри. Этот срочный и совершенно необычный вызов на работу к отцу был, без сомнения, связан с похищением старика. Волнение Россаны передалось мальчикам. Руджеро выключил проигрыватель. Фабрицио распахнул дверь и чуть не столкнулся с улыбающейся синьорой Да Валле, которая вносила поднос с приготовленным чаем. Все четверо молча переглянулись.

— Уже уходите?

— Да. Руджеро меня отвезет.

— Хорошо. А как же ваш чай?

— Ах, да, мы же просили чай, — сказала Россана, поглядев сперва на дымящиеся чашки, а потом — с вопросительным видом — на своих приятелей. Они в ответ деланно улыбнулись, словно удивляясь: откуда вдруг взялся чай? Чай выпили второпях, не присаживаясь, молча. Мать Россаны тоже молча посматривала на них, и только в глазах ее прятался смех.

— Пришла ваша дочь, — доложил старшина Калабро, приоткрыв дверь и заглядывая в кабинет. Комиссар Да Валле только кивнул в ответ, не сводя глаз с владельца цветочной лавки, сидевшего перед ним.

— Что еще вы можете сказать, синьор Мартинец?

— Больше мне нечего добавить, комиссар. К сожалению, в тот момент, когда это произошло, я протирал витрину...

— Хорошо, хорошо. Во всяком случае, если вам удастся вспомнить какие-нибудь новые подробности, разыщите меня в любое время суток. Договорились?

Низенький человечек вышел мелкими шажками, весь как-то съежившись. Он даже не заметил Россану, которая, бесшумно пробравшись в кабинет, наблюдала за ним, пряча улыбку.

— Ну что? Он сделал сенсационные разоблачения?

— Какое там! По его словам, один из сидевших в «1750» был рыжий, а другой — худой и высокий. А того, кто за рулем, он вообще не заметил.

— Что ж, мне кажется, это уже кое-что.

Комиссар бросил на дочь угрюмый взгляд и указал ей на стул, на котором до этого минут двадцать ерзал цветочник Мартинец.

— Знала бы ты, как меня это бесит. Я изо всех сил стараюсь держать тебя подальше от своей работы, хоть то и не всегда удается. А тут вдруг это дело, и как раз твоей школе. Не хватало мне только вызывать тебя в правление на допрос.

Девочка было заулыбалась, но, услышав слово «допрос» хорошо понимая досаду отца, вновь сделалась серьезной.

— Да уж, действительно. А чем я могу тебе помочь?

Комиссар достал из ящика и бросил на письменный гол перед дочерью картонную коробочку. Россана раскрыла ее. В коробочке были аккуратно уложены, одна к другой, пятьдесят—шестьдесят сигарет без фильтра. Что он, черт возьми, хочет этим сказать? Не зная, как реагировать, она попыталась сострить.

— Спасибо, папа. Ты же знаешь, я не курю.

— Я знаю как раз обратное. По крайней мере, на веринке у Джузи на прошлой неделе ты выкурила сигарету.

«Какой негодяй мог ему наебедничать?» — удивилась Россана, проклиная себя за неуместную острогу. Видя, что

отец по-прежнему мрачен и надо как-то выходить из положения, она решила объясниться.

— Уверяю тебя, это была именно одна-единственная сигарета. Знаешь, как надо мной смеялись...

— Меня это не интересует. Если ты такая идиотка, что решила закурить только потому, что над тобой смеются, то мне нечего терять время на правоучения. Тем хуже для тебя. Но я все-таки рад, что ты отказалась от этих сигарет,— они с марихуаной.

Измученная и заинтригованная, Россана вновь принялась внимательно изучать коробочку. Цилиндрики табака с виду были самые обыкновенные. Только пахли немного странно. Но может быть, это ей теперь так кажется?

— Мы нашли эти сигареты на лотке у похищенного сегодня утром торговца.

— Что, что?

— То, что слышишь. Судя по всему, этот старик был одним из тех, кто по мелочи сбывает наркотики.

Дядюшка Пьеро? Россана узнала его совсем недавно, но от этого старика исходило столько доброты, столько благожелательности. Нет, нет, это невозможно, совершенно невозможно. А кроме того, это не прошло бы незамеченным. Если бы действительно у самых ворот их школы вместе с булочками продавали «травку», среди сотен учеников обязательно нашлись бы какие-нибудь дураки, которые захотели бы ее попробовать, чтобы потом хвастаться этим перед другими ребятами.

— Это исключено,— сухо и решительно сказала она. Комиссар с ироническим видом пожал плечами.

— Исключай, исключай себе на здоровье, но, когда мы отыщем этого проходимца, ему придется кое-что нам объяснить. Конечно, если только удастся его найти.

— А что, есть какие-нибудь новости?

— Нет. Беда в том, что мы не знаем даже его полного имени. Пьеро — и все тут, его только так называли. Следовательно, мы не сможем узнать даже, где он живет. И в самом деле странно, что до сих пор не пришел кто-нибудь из его соседей, чтобы нам это сообщить. Ты видела заметку на первой странице вечерней газеты?

— Нет.

— Черт возьми, неужели никто из тех, кто знает фамилию этого Пьеро и его адрес, тоже не читал сегодняшних газет?

— Не знаю, что тебе и сказать.

А я ведь понадеялся: вдруг тебе известна фамилия старика, — поэтому и вызвал тебя в управление.

Нет, и я не думаю, чтобы кто-нибудь из наших

Знаю, знаю. Сегодня утром мы провели опрос во всех, но не нашлось никого, кто бы смог нам помочь. Я хотел спросить тебя вот о чем: слыхала ли ты, кто-то из ваших школьников покупал сигареты с пачками? Только отвечай начистоту.

Честное слово, нет.

А почему бы тебе не провести... ну, скажем, маленькое исследование среди своих товарищей... просто для уверенности. А?..

Россана почувствовала, что отец несколько смущен. Он всегда кричал, чтобы она не совала нос в его дела, а теперь вынужден официально просить ее помочь в расследовании. Она помолчала, продолжая разглядывать сигареты.

Идет, я согласна.

Вот и отлично.

А ты заметил, что в коробке все сигареты на месте? Пачка не взята.

И что из этого?

Значит, старик Пьеро сегодня утром не продал ни одну пачку.

У него могли быть другие, уже начатые коробки. Правильно, но тогда где они? Вы их тоже нашли?

Нет, но кто сказал, что он должен держать все сигареты в коробках? Он мог хранить их в рассыпную, в кармане.

В кармане сигареты ломаются.

Согласен, что в кармане они ломаются. Так что ты можешь сказать?..

Телефонный звонок прервал его вопрос, и комиссар, не дожидаясь раздражения, нервно схватил трубку. Россана заметила, как он наморщил лоб, и ей даже показалось, что потом чертыхнулся.

Не может быть!

Россана сгорала от любопытства: что за неприятное известие получил отец? Но разговор продолжался еще только минут. Когда же отец наконец повесил трубку, стал дожидаться ее вопроса.

Ну вот, дальше ехать некуда, — взорвался он.

Что еще?

Кто-то вырвал страницу из книги, регистрирующей

разрешения на мелкую торговлю в разнос. Это была единственная возможность узнать что-нибудь о старике. Вряд ли он торговал без разрешения: директор его знает лет двадцать, он всю жизнь торговал перед школой со своим лотком. Если бы у него не было патента, его сотни раз могли бы застукать.

— А где находилась эта книга регистрации?

— В шкафу в муниципалитете. Наверно, он не был заперт на ключ, да и кому придет в голову запирасть такие вещи?

— Как же они туда забрались?

— А я почему знаю? — снова взорвался комиссар, еще не успевший остыть и собраться с мыслями.

Если в ближайшие два-три дня (вряд ли газеты станут дольше печатать сообщения об этом деле) не явится или не позвонит по телефону кто-либо из лично знавших старика Пьеро, то вряд ли уже когда-нибудь удастся что-то узнать о его судьбе.

— Папа, — ласково, но лукаво спросила отца Россана, — а ты действительно думаешь, что его похитили из-за наркотиков?

— Ну, насчет этого вряд ли можно сомневаться. Вероятно, он вздумал взяться за продажу этой мерзости лишь недавно, и, когда об этом узнали подпольные организации мелких торговцев наркотиками, его решили хорошенько проучить. Логично, не так ли?

— Почему же они его просто не пристрелили, и дело с концом? Это было бы для них менее рискованно, чем устраивать похищение.

— Предположим, они хотели сначала допросить его, чтобы узнать, к примеру, кто снабжает его товаром. Чем не причина для похищения?

«Очень логично», — подумал Россана, знаясь все больше и больше. При таком объяснении все концы более или менее сходились. Однако оставался еще последний вопрос.

— А зачем вырвали эту страницу из книги регистрации? Тут они также подвергали себя порядочному риску: ведь надо было подкупить кого-то, кто бы согласился это сделать. К чему им было все это?

— Не знаю, над этим надо еще поразмыслить. В самом деле, почему похитители боятся, что мы узнаем фамилию старика? Но может, тут была какая-то другая, более простая причина, пока трудно сказать. Например, страницу мог вырвать кто-то другой, с целью, ничего общего не имею-

щей с этим делом. Может, ее вырвали еще пять лет назад и никто этого даже не заметил. Кому придет в голову ворошить эти книги?

Тоже прекрасное объяснение, не хуже всех остальных, и таким образом сходятся все концы. За исключением лишь одного: дядюшка Пьеро никак не мог торговать наркотиками, в чем в чем, а в этом Россана была твердо убеждена. Она подумала, что такой версии ни за что не поверили бы ни Фабрицио с Руджеро, ни Микеле, да и вообще никто из ребят. Этому, наверно, не поверил бы и директор школы Мартини. Но для полиции это не имело совершенно никакого значения. Есть конкретная улика — сигареты с «травкой», — и этого вполне достаточно. Россану впервые больно кольнуло предчувствие, что дядюшка Пьеро исчез, быть может, навсегда. Похищенные обычно возвращаются. Но если предположение отца правильно, тут особый случай — похищение из мести. Эти люди после безжалостных пыток, наверно, его убили...

Выйдя из подъезда полицейского управления, она побрела по тротуару, не глядя по сторонам, погруженная в свои мысли.

— Ну, наконец-то! — произнес чей-то голос, и она чуть не споткнулась от неожиданности.

Верхом на мопед, в застегнутой до самого горла куртке, сидел Руджеро.

— Долгонько ты там беседовала.

— Ты же не сказал, что будешь меня ждать.

— Я передумал уезжать: любопытство одолело. Ну так что?

Она в нескольких словах ввела его в курс дела, стараясь перекрыть шум мотора и уличного движения.

Руджеро выслушал все без всяких комментариев и, даже узнав про сигареты с марихуаной, не выказал ни удивления, ни возмущения.

Россану это насторожило.

— Уж не слыхал ли ты случаем что-нибудь про это?

— Нет. Но я знаю одного парня из третьего класса лицея, который иногда балуется этим делом, только «травку» он покупает на рынке у Порты Портезе. Он сам рассказывал Микеле.

— И что же ты обо всем этом думаешь?

— Я не верю, что Пьеро мог этим заниматься.

У Россаны немного отлегло от сердца.

Слава богу, нашелся еще человек, которого не так-то

легко убедить столь гладкими на первый взгляд доводами. Они некоторое время молчали. Мопед с грохотом свернул на улицу Номентана.

— Ах да, вот еще что: в муниципалитете выдрали страницу из книги, в которой был зарегистрирован патент, выданный дядюшке Пьеро на торговлю с лотка.

— Зачем?

— По-моему, чтобы нельзя было узнать его фамилию и где он живет.

И тут совершенно естественно и просто Руджеро произнес слова, прозвучавшие для Россаны волшебной музыкой:

— А я знаю, где он живет.

— Ты знаешь?! — крикнула Россана, стараясь заглянуть ему в лицо, и мопед опасно наклонился.

— Ну да, как-то утром я видел, как он выходил из ворот одного дома со своей тележкой. Это было, наверно, еще в прошлом году. Нет, пожалуй, этой зимой.

— Так почему же ты не рассказал об этом сегодня утром? Папа сказал, что в школе во всех классах был проведен опрос.

— Меня не было на занятиях. Сначала меня вызывали к директору, потом вместе с Микеле и Фабрицио я ходил давать показания в полицейское управление.

Это их так рассмешило, что они дружно расхохотались, представив себе, какую физиономию скорчил бы полицейский комиссар, узнай он, что целое утро рядом с ним был человек, который одним своим словом мог разрешить мучавшую его проблему.

— И что же мне теперь делать? — спросил Руджеро, как только они подъехали к дому Россаны. Как-никак эта симпатичная девочка все-таки старшая дочь важного полицейского чина, и лучше, чтобы она сама решила, следует ли ему немедленно поставить в известность ее отца.

Россана, которая уже приняла решение, покачала головой.

— Завтра воскресенье. Почему бы нам самим не навестить на квартиру к дядюшке Пьеро? Кое-что в этой истории кажется мне не очень-то убедительным, и было бы нехудо взглянуть на его берлогу до того, как там появится мой папаша.

— А как мы туда войдем? — возразил Руджеро, несколько смущенный намерением Россаны.

— Еще не знаю. А что это за дом?

— Какая-то лачуга. А рядом с ней, по-моему, что-то вроде маленького дворика.

— Так вот слушай. Мы пойдем туда и все осмотрим. Если нам войти не удастся, сообщим отцу. А когда он придет, я буду вертеться рядом, проникну туда и все разузнаю.

— А как ты объяснишь ему...

— Ох, сколько вопросов! Увидимся завтра. Позвонишь мне?

— В котором часу? — спросил Руджеро, не слишком правда довольный ее решением.

— В половине десятого. Договорились? Чао!

— Чао.

— Фабрицио ты предупредишь?

— Хорошо, я скажу ему, только не знаю, сможет ли он прийти.

— А что, ты думаешь, он тоже дрейфит? — самым простодушным тоном произнесла Россана, и Руджеро сразу попался в ловушку.

— Да я вовсе не боюсь... — начал он, слишком поздно сообразив, что Россана над ним смеется.

Он проводил ее взглядом, и, когда она уже скрылась в подъезде, Руджеро все еще не трогался с места, пытаясь привести в порядок свои мысли. Так он стоял в задумчивости, пока, наконец, регулировщик, выведенный из терпения этой затянувшейся остановкой в неполюженном месте, неожиданно не подошел к нему сзади и не поторопил его:

— Проезжайте, молодой человек, проезжайте.

4

— Вот здесь, — объявил Руджеро.

Он выключил мотор, его примеру последовал и Фабрицио. Россана, не дожидаясь, пока они опустят у мопедов подставку, приблизилась к воротам.

Грязь и жалкое убожество дворика бросались в глаза уже издали. Больше всего поражало полное запустение, ощущение тоскливого одиночества, которое сильнее всего вызывают брошенные, ожидающие сноса дома, где никто уже не живет. В маленьком квадратном дворе высились горы железного лома и всякого никому не нужного хлама: прорванные сетки от кроватей, обломки мебели, старые ящики, выброшенные кастрюли. Две или три выходящие

о двор двери были забиты гвоздями, одна даже заложена ирпичами. Однако замки и засовы, красующиеся на воротах каких-то складов, казались почти новыми. Только один из четырех углов двора казался обитаемым. Рядом низеньким сводчатым подъездом виднелась маленькая зеленая дверка с облупившейся краской, а на ступеньке перед нею сидела худющая кошка. Кошка при приближении примолкнувшей троицы улыбнулась, если можно допустить, что кошки умеют улыбаться. Но не тронулась места.

— Тут вроде нет ни одной живой души, — пробормотал Фабрицио, поглядев вверх, на балкончики со сломанными перилами, на окна с выбитыми почти везде стеклами. Уличный шум — а движение на соседних улицах было не слишком оживленным — сюда почти не долетал, и ничто не нарушало спокойствия и тишины этого заброшенного уголка.

«Маньони», — прочитала Россана на картонной табличке, прикрепленной канцелярскими кнопками к двери. На первом этаже было открыто высокое узкое окно, но никого в нем было видно. Третий был весь забит досками — неизвестно когда: несколько дней или несколько лет назад?

— Ну, что будем делать?

— Наверно, надо постучать, — ответила Россана и резонно ударила костяшками пальцев в зеленую дверь.

Кошка наострила уши, выгнула спину, не отрывая глаз от двери. Она непрерывно расхаживала взад-вперед по ступеньке, в тщетной надежде, что дверь распахнется, хотя было ясно, что никто не откроет.

— Тогда попробуем здесь, — предложила Россана, идя к сводчатому подъезду, дверь которого была лишь плотно прикрыта. Может, Маньони это и есть дядюшка Берио? Хотя фамилия и не казалась сицилианской, но просить все же стоило.

Наверх вела узкая, грязная лестница. Все было покрыто густым слоем пыли — она тут, видно, наслаивалась годами. В уголке валялся дохлый тараканчик, тоже запыленный, отдавший богу душу, наверно, уже несколько месяцев назад. Воздух был пропитан въевшейся в стены юголетней вонью, которую не смог бы уничтожить никакой монт. Трое друзей на дыпочках начали подниматься по лестнице, стараясь не касаться железных заржавленных перил. На площадке второго этажа сквозь щель приоткрытой двери виднелась крошечная уборная размером три на два. Только пожелтевший унитаз да маленькая

раковина, из которой вода падала прямо в широкую дыру в кирпичном полу. Ничего больше, кроме вони.

Первой подняла голову Россана. При виде уставившихся на нее маленьких злых глазок она не смогла удержать испуганного возгласа, заставившего вздрогнуть двух других «сыщиков».

— Что вам здесь надо? — спросила их маленькая старушонка. Она была вылитая ведьма из сказки, одна из тех, что при помощи шоколадок заманивают к себе детей, а потом спокойно ими лакомятся.

— Тут живет старик Пьеро, тот, который продает бутерброды?

— Нет, его квартира рядом, где зеленая дверь. А зачем он вам?

Теперь оставалось выяснить: не знает ли старуха, что ее соседа похитили? Первой из всех троиц верный ответ пришел в голову Россане.

— Мы пришли отдать ему деньги; мы из той школы, возле которой он стоит со своей тележкой.

— Сколько же вы ему должны? — прозвучал странный вопрос, и в ожидании ответа старуха в подобии улыбки оголила десны. Зуба у нее не было ни одного: заманивала она шоколадками детей или нет, было неизвестно, но обглодать косточки заблудившегося в лесу ребенка ей вряд ли бы удалось.

— Две тысячи лир, — сказала наугад Россана, надеясь, то назвала не слишком маленькую цифру. Но рисковать было нельзя: с собой у нее была только тысяча, и хорошо, если мальчики наскребут еще тысячу. — Можно их оставить ам?

— Может, не стоит, — пробормотал себе под нос Лабрицио, но старушонка уже загорелась желанием приарманить денежки.

— Поднимайтесь, поднимайтесь.

Они прошли еще один лестничный марш.

— Заходите, заходите.

Они вошли, и представшее взгляду их не удивило. неподвижно застывший огромный черный кот, не сводящий них внимательного взгляда. Закопченный котелок, в котором могли бы вариться волшебные дьявольские зелья, точавший, однако, лишь запах прогорклой капусты. На оле, рядом с котом, большой гребень с седыми волосами, стрявшими между его зубьев. У единственного в комнате на виднелась и метла, старая добрая метла с гибкими

ми, — она стояла наготове, чтобы ведьма могла
тнуть ее в темную безлунную ночь. Старуха пыталась
ся любезной в предвкушении неожиданно свалив-
на нее тыщенок, и Россана решила этим воспользо-
ся. Указав на окно с высоким подоконником, она
ла:

И часто вы выглядываете в окошко?

Никогда, доченька, никогда. Я же вот какая низень-
азве ты не видишь, какая я маленькая?

амом деле, даже прикинув на глаз, было ясно, что ста-
огла бы выглянуть во двор, лишь встав на скамеечку,
кой скамеечки вокруг не было видно. Не говоря уже о
то подобные акробатические упражнения были бы
в ее возрасте.

А вы не знаете, когда возвратится сегодня Пьеро?

Откуда мне знать? Однако ему пора бы уже быть

Он всегда возвращается в это время.

Нет, его еще нет, мы к нему стучались.

Слыхала, слыхала, что ты стучалась.

Он живет один?

Один? Нет, моя красавица. Он живет вместе с той

той, что ты видала у него под дверью.

сана подмигнула мальчикам, потом улыбнулась ста-

Как же это вы увидели, что у него под дверью сидит

И откуда вы знаете, что в дверь к Пьеро стучала я?

сказали, что не можете высунуться в окно?

Что?

Разве вы не сказали...

Нет, нет, не могу, вот поглядите сами.

старуха показала им свои ноги с ужасными, распух-
посиневшими икрами — оттого-то у нее и была такая
даяся, неверная походка. Неизвестно, что это была за
ь, но тут, несомненно, дело обошлось без обмана.
таки обман был, и его разгадал Руджеро: подозревая
х старухи какую-то уловку, он решил незаметно вы-
ь в окно.

Эй, поглядите-ка туда, напротив.

Что? — воскликнули в один голос Россана и Фабри-
дбегая к нему.

джеро указал на крытый застекленный балкон на-

Хотя он и обвалился наполовину, но стекла в нем
уцелели, и в них, несмотря на грязь, достаточно
иво отражались оба подъезда, а также довольно

прутьями, — она стояла наготове, чтобы ведьма могла оседлать ее в темную безлунную ночь. Старуха пыталась казаться любезной в предвкушении неожиданно свалившихся на нее тысчонок, и Россана решила этим воспользоваться. Указав на окно с высоким подоконником, она спросила:

— И часто вы выглядываете в окошко?

— Никогда, доченька, никогда. Я же вот такая низенькая. Разве ты не видишь, какая я маленькая?

В самом деле, даже прикинув на глаз, было ясно, что старуха могла бы выглянуть во двор, лишь встав на скамеечку, а никакой скамеечки вокруг не было видно. Не говоря уже о том, что подобные акробатические упражнения были бы опасны в ее возрасте.

— А вы не знаете, когда возвратится сегодня Пьеро?

— Откуда мне знать? Однако ему пора бы уже быть дома. Он всегда возвращается в это время.

— Нет, его еще нет, мы к нему стучались.

— Слыхала, слыхала, что ты стучалась.

— Он живет один?

— Один? Нет, моя красавица. Он живет вместе с той кощенкой, что ты видала у него под дверью.

Россана подмигнула мальчикам, потом улыбнулась старухе.

— Как же это вы увидели, что у него под дверью сидит кошка? И откуда вы знаете, что в дверь к Пьеро стучала я? Вы же сказали, что не можете высунуться в окно?

— Что?

— Разве вы не сказали...

— Нет, нет, не могу, вот поглядите сами.

И старуха показала им свои ноги с ужасными, распухшими, посиневшими икрами — оттого-то у нее и была такая шатающаяся, неверная походка. Неизвестно, что это была за болезнь, но тут, несомненно, дело обошлось без обмана. И все-таки обман был, и его разгадал Руджеро: подозревая в словах старухи какую-то уловку, он решил незаметно выглянуть в окно.

— Эй, поглядите-ка туда, напротив.

— Что? — воскликнули в один голос Россана и Фабрицио, подбегая к нему.

Руджеро указал на крытый застекленный балкон напротив. Хотя он и обвалился наполовину, но стекла в нем чудом уцелели, и в них, несмотря на грязь, достаточно отчетливо отражались оба подъезда, а также довольно

можно было различить и кошку, продолжавшую, хвост, прогуливаться перед запертой зеленой дверью. Старая Маньони как ни в чем не бывало, не обращая на них внимания, пошла помешать капусту в котел. Капуста в знак протеста против такого беспокойства была еще сильнее. Старуха хотела было погладить кота, но не дотянулась — он сидел на столе слишком высоко и ограничился лишь тем, что глухо мяукнул, подвигаясь, однако, к ее протянутой руке.

Ну, что будем делать дальше? — спросил Руджеро.

Фабрицио пожал плечами. Россана в нерешительности губы. Эта старушонка оказалась крепким орешком и разрешила им задавать вопросы, то только потому, что надеялась заполучить две тысячи лир.

Живее выкладывайте денежки. У меня есть ты-

Фабрицио вытащил из кармана еще тысячу, и старая сразу же стала любезнее. Она оставила свою капусту и снова подошла к ним, не отрывая глаз от денег. Вы ничего не заметили странного сегодня утром, да?

Что?

Вы ничего не заметили...

Нет, нет, ничего. Что я могла заметить? Видишь, я и старая.

Россане, так же как и ее друзьям, все это уже порядком надоело, ее подташнивало от запаха капусты, и она, решив, перестав закружаться, протянула старухе деньги. Однако решение, охватившее ее с той минуты, когда отец объяснил, что эти сигареты были найдены на лотке у старика Пьеро, охватывало ее. Сомнение, которым она не поделилась даже с Руджеро и Фабрицио. Сгиснув зубы, она направилась к двери, пробормотав что-то вроде «до свидания» в ответ на шепот вслед заверения старухи: она, мол, обязательно придет, как только его увидит, деньги бродячему торговцу, на нее вполне можно положиться.

Да, кстати, а вы хотя бы знаете, как фамилия дядюшки Пьеро? — спросил напоследок Фабрицио уже с порога.

Но это утро было, наверно, не из удачных: женщина качала головой, вновь показав свои покрасневшие десны. Как его фамилия? Кто знает... Просто Пьеро, безо всякой фамилии...

До свидания, и приятного аппетита, — пожелал ста-

рухе взбешенный Фабрицио, но Россана знаком велела мальчикам подождать.

У Руджеро, который уже вышел на площадку и не в силах был больше сдерживать нетерпение, невольно вырвалось:

— Ну что там еще?

— Последняя просьба, синьора.

— А?

— Синьора, пожалуйста, не говорите моему отцу, что мы сюда приходили и разговаривали с вами. Он не любит, когда я вмешиваюсь в его дела.

— А кто у тебя отец?

— Комиссар полиции Да Валле.

В комнате наступила тишина, и кот наконец соблаговолил сдвинуться с места. Он соскочил на пол, проскользнул в распахнутую дверь и исчез, ни с кем не попрощавшись. Старуха поглядела ему вслед, потом посмотрела на Россану и на мальчиков, в изумлении уставившихся на свою подругу. Старуха казалась испуганной.

— А какое отношение я имею к полиции, при чем тут я? Я уже давно завязала, я слишком стара, чтобы воровать. Вы же видели, я еле ноги передвигаю.

Она снова подняла подол и показала свои икры. Фабрицио с брезгливым видом отвернулся.

— Опустите занавес,— умоляющим тоном сказал Руджеро, и Россана не смогла не рассмеяться.

— Синьора, папа наверняка придет допросить вас, чтобы узнать, не заметили ли вы в течение сегодняшнего дня чего-нибудь необычного. Я прошу вас только: не говорите ему, что мы с вами виделись.

— А что, скажи на милость, я могла увидеть такое необычное?

— Кто-нибудь сюда приходил?

— Сюда? Никто.

— А вниз, к старому Пьеро?

По молчанию Маньони они поняли, что она чего-то недоговаривает, да и лицо старухи выражало явное смущение.

— Да я почему знаю? — плаксивым голосом затянула она, разглаживая замызганную юбку.— Иногда к нему кто-то и приходит, но надолго не задерживается. Я, знаете, в чужие дела не лезу, мне своих забот хватает...

— А сегодня утром кто приходил?

— Не знаю, какой-то мужчина. Наверно, искал старика Пьеро. Он на минутку вошел и сразу же вышел.

— Вошел?! А как же он вошел?

— А мне откуда знать? Я старая бедная женщина, вы же сами видите...

— Сейчас она опять станет показывать свои ноги,— сказал вполголоса Фабрицио.

— Боже мой, только не это! — простонал Руджеро.

Но теперь уже Россану, словно хорошую охотничью собаку, уверенно идущую по следу, нельзя было остановить.

— А что было в руках у этого человека?

— Не знаю, моя красавица, я не разглядела. Вроде какой-то красный сверток... да-да, красный.

— А когда он вышел, он у него еще был?

— Не могу тебе...

— Был он у него в руках или нет?

— По-моему, нет.

Они не комментировали полученные сведения, пока не вышли на улицу. Там какой-то пес был занят тем, что тщательно орошал их мопеды, соединенные вместе одной цепочкой.

— Ну что ж, две тысячи хоть не зря выкинули,— облегченно вздохнул Фабрицио.

— Какой час? — спросила Россана.

— Половина первого.

— Ой, как поздно! Мама, наверно, уже сердится.

— Возьми мой мопед,— великодушно предложил Руджеро.— Меня подвезет Фабрицио, а после обеда я за ним зайду к тебе.

— Ты просто золото. Да, постой-ка, сейчас ты должен позвонить нам домой и передать отцу, что тебе случайно известен адрес дядюшки Пьеро.

— Ах, это я ему должен об этом сообщить?

— Ну конечно. Вот увидишь, они найдут там красный пакетик, полный сигарет с наркотиками. Та же техника, что и вчера утром. Пока старого Пьеро запихивали в машину, один из этих типов сунул сигареты к нему под лоток, где их и нашла полиция.

— А зачем?

— Вот этого я не знаю. Я знаю только, что дядюшка Пьеро не торгует наркотиками. Это я знаю наверняка!

— Я тоже,— сказал Фабрицио.

— И я,— отозвался Руджеро.

— Отец тоже не попался бы на удочку, если бы знал этого несчастного старика. На это-то и рассчитывали

похитители: полиции достаточно найти какую-нибудь улику. Они ее подкинули — и дело с концом. Эти типы во что бы то ни стало хотят, чтобы дядюшку Пьеро приняли за мелкого торговца наркотиками. Остается только вопрос: на кой черт им это надо?

Фабрицио и Руджеро молча проводили взглядом удалявшийся мопед, потом переглянулись.

— Да сопутствует ей удача!..

— Аминь...

5

— Слушаюсь, — в шестой раз произнес комиссар Да Валле. Или — в седьмой? И переложил трубку к другому уху.

Начальник полиции Рима продолжал медленно диктовать ему по пунктам свои распоряжения, полагая, что он их записывает.

— Я сделаю все от меня зависящее, — сказал комиссар и, не прерывая разговора, жестом указал вошедшему в кабинет дежурному, чтобы тот поставил чашечку с кофе на письменный стол.

Между тем начальник продолжал метать громы и молнии: неужели в доме похищенного не смогли обнаружить ничего заслуживающего внимания, кроме наркотиков? Неужели, хотя прошло уже целых два дня, полиция до сих пор не установила фамилии похищенного? Нужно было допросить с пристрастием всех жителей квартала, все обшарить, разнюхать, обыскать. Понятно?

— Так точно, господин начальник, обыскать, — повторил комиссар и, заметив, что дежурный, поставив подносик с кофе, не думает уходить и все еще как столб торчит у стола, вопросительно поглядел на него.

— Пришел какой-то адвокат Алесси, — прошептал дежурный, почтительно косясь на телефонную трубку. Он даже на расстоянии узнал голос самого главного начальника.

Комиссар ответил жестом, означавшим: пусть подождет. К счастью, эта телефонная проработка продолжалась недолго. То ли начальнику полиции надоел этот разговор, то ли ему тоже доложили о чьем-то приходе, но, промывчав еще с десяток ценных указаний, он наконец повесил трубку.

— Можно впустить? — робко спросил дежурный, выростая на пороге.

— Проси.

Адвокат Алесси был невысокий, приземистый, почти совсем лысый. Выглядел он лет на шестьдесят; хотя ему, наверное, было немногим больше сорока; одет он был очень тщательно и элегантно, что, вероятно, должно было компенсировать не слишком выгодное впечатление от его внешности. Рукопожатие его было властным, уверенным.

— Чем могу быть полезен? — любезно осведомился комиссар, пока посетитель усаживался напротив него; комиссару Да Валле хотелось верить, что приход адвоката не принесет ему новых хлопот и неприятностей: у него их сейчас было и без того выше головы.

— Речь пойдет о субботнем похищении, о котором говорят все газеты.

При слове «похищение» комиссар наострил уши, пытаясь, однако, ничем не выдать своего напряженного внимания. Адвокат неправильно расценил его молчание.

— Мне сказали, что этим делом занимаетесь вы.

— Да, действительно, я веду это дело. Продолжайте, пожалуйста.

— Так вот, сегодня утром мне позвонил по телефону брат похищенного...

— У него есть брат? — воскликнул комиссар.

— Да, но не здесь, а в Бостоне. Это очень пожилой человек, у него большое сердце, и он, естественно, не может прилететь. Он узнал о случившемся из газет... он выписывает и регулярно читает одну сицилийскую газету, которую получает авиапочтой...

— Видно, его мучит тоска по родине.

— Наверное. Вот так он узнал, что его младший брат похищен. Он поручил мне предпринять все необходимые шаги, установить, если появится такая возможность, контакты с похитителями и ежедневно информировать его, как развиваются события.

— Понятно.

— Кроме того, он поручил мне назначить награду в сто тысяч долларов за... ну, как это говорится... за голову бандитов. И сообщил о прибытии из Соединенных Штатов частного детектива, его доверенного лица.

— В самом деле? И как же этот господин, человек, видимо, очень состоятельный, позволял своему брату в течение стольких лет влачить такое нищенское существование? Всего несколько часов назад мы произвели обыск в его жилище: это какая-то мышиная нора, а вы говорите: сто тысяч долларов!

Адвокат Алесси заерзал на своем стуле — он и без того сидел как на иголках.

— Ну... об этом я, конечно, не мог его спрашивать, тем более по телефону, но, насколько я мог понять по некоторым его словам, между братьями в течение многих лет были довольно прохладные отношения, и младший — тот, что похищен, — в один прекрасный день перестал что-либо сообщать о себе моему клиенту. Понимаете, он долгие годы совершенно ничего не знал о брате. Например, ему даже не было известно, что тот живет в Риме.

— Понятно, — кивнул комиссар.

Дело ясное, брат-богач пытается заглушить мучавшие его много лет угрызения совести и готов разбиться в лепешку, чтобы хоть как-то помочь брату-бедняку, попавшему в беду. Но как бы там ни было, обещанная награда весьма кстати. Сто тысяч долларов развяжут языки самым молчаливым, и они застрекочут, как пулеметы. Это-то уж несомненно! Остается задать один деликатный вопрос, из тех, что всегда сбивают с толку. Но этот адвокат отнюдь не производит впечатление простака, и с ним лучше говорить напрямик, без всяких дурацких ухищрений.

— Как фамилия вашего клиента?

— Ну... естественно, такая же, как у его брата, — пробормотал Алесси слегка растерянно. — Его зовут Джардина, Кармело Джардина.

— Прекрасно, вы невольно оказались нам полезны, адвокат.

— Вы не знали фамилии похищенного?

— Вот именно. Вам, может быть, покажется это странным, но никто из допрошенных не мог нам назвать ее. У старика здесь, в Риме, нет ни родных, ни друзей, и живет он один, в доме, где почти не осталось других жильцов.

— А...

— Но скажите, адвокат, что думает ваш клиент о целях похищения его брата?

— Вы задаете, комиссар, трудный вопрос. Он полагает, что его похитили с целью получения выкупа. Не знаю, может быть, в газете, которую он читал, про это дело говорилось недостаточно ясно. Во всяком случае, мне пришлось ему объяснять, что его несчастный брат зарабатывал себе на жизнь торговлей вразнос.

— Теперь мы почти с полной уверенностью можем сказать, что он занимался продажей наркотиков.

Адвокат воздержался от каких-либо комментариев. Ко-

миссар мог только отметить его молчание и напряженный, выжидательный взгляд.

Он рассказал адвокату, стараясь не входить в подробности, о сигаретах, найденных на лотке-тележке вместе с булочками и сладостями. А также о сигаретах, спрятанных дома внутри старой лампы с треснутым стеклянным абажуром. Теперь уже почти не оставалось сомнений: Пьеро Джардину, по прозвищу «дядюшка Пьеро», ликвидировала банда торговцев наркотиками, которой он, вероятно, чем-то мешал.

— Ясно. Конечно, объяснить все это его брату, боюсь, будет не так-то легко, — сказал адвокат, поглаживая себя по щеке. Челюсти у него были мощные и казались еще заметнее, так как были безупречно выбриты.

Только тут комиссар вспомнил о кофе, который все это время печально стыл в оранжевой чашечке между телефоном и грудой папок с бумагами, требующими срочного исполнения.

— Разрешите?

— Что за вопрос, комиссар! Извините, я помешал...

Кофе, разумеется, был отвратителен. Он поставил недопитую чашечку обратно на стол: придется подождать того несравненного, ароматного кофе, который ему приготовит после ужина жена. Адвокат Алесси между тем уже поднялся.

— Ну так, комиссар, я буду ждать от вас сообщений, каковы бы они ни были. Но будем надеяться — хороших.

— Я вас извещу сразу же, как только будут какие-нибудь новости, разумеется, если это не нарушит секретности, которую я обязан соблюдать.

— Разумеется.

Телефон зазвонил, когда светло-бежевое пальто адвоката еще маячило на пороге. Комиссар горячо пожелал себе, чтобы это не был снова начальник полиции, хотя теперь он располагал именем похищенного и это открытие ему ничего не стоило.

— Привет, папа, — раздался в трубке веселый голосок Россаны. — Есть какие-нибудь новости?

— А какого рода новости тебя интересуют? — спросил, чтобы выиграть время, комиссар.

— Насчет расследования.

— Ах, да, расследования... К сожалению, должен тебя огорчить. Твой друг, который кормил булочками весь ваш лицей «Юлий Цезарь» и которого ты так упрямо, несмотря

ни на что, продолжаешь защищать, оказался действительно замешан в торговле... ты знаешь чем. Мы произвели сегодня обыск у него на квартире.

— Ах вот как?

— Да, вот так, — повторил комиссар и, протянув свободную руку, взял красную коробку и взвесил ее на ладони. — Сигарет сто с лишним, а может, и сто пятьдесят, никак не меньше. Не так уж, в сущности, и много, но старик, вероятно, вел дела в не слишком широком масштабе: довольствовался тем, что продаст одну сигарету тут, другую там, немногим, но надежным клиентам. Мы нашли коробку, полную сигарет с марихуаной, такую же, что обнаружили у него на лотке.

— Коробку? — отозвалась, как эхо, Россана, едва сдерживая смех, причину которого комиссар не мог себе объяснить. — Папа, а она, случаем, не красная?

— Да, именно красная. Но ты-то, черт возьми, откуда знаешь, какого она цвета? — в изумлении завопил комиссар. Эта сопливая девчонка не иначе как сам дьявол. Удивительно только, что от нее не пахнет серой.

— Я расскажу тебе вечером дома, — нежно проворковала Россана и, не дожидаясь других вопросов, повесила трубку.

6

В самом деле, замечательная личность этот профессор¹ Мартини, директор классического лицея «Юлий Цезарь» и к тому же самого высокого класса преподаватель латыни. Он человек спокойный, сделавший спокойствие своей религией, научился выполнять свои далеко не легкие обязанности, чрезвычайно ловко избегая всяких неприятностей и столкновений.

— Что за невероятная история! — повторял он, качая головой и складывая газету с крупными заголовками над уголовной хроникой.

Синьора Матильде как раз подавала на стол великолепнейшее жаркое из трепухи — блюдо, бывшее единственной страстью директора, помимо латинского языка. Она сразу поняла, что имеет в виду муж, и в знак солидарности с ним испустила тяжелый вздох.

— Что ты видишь в ней невероятного, Орацио?

¹ В Италии так называют также и учителей старших классов.

— Да то, что до сих пор ничего не известно ни об этом несчастном, ни даже о том, почему его похитили.

— Но ведь пишут, что он...

— Продавал наркотики? Слухи, всего лишь слухи. Я не верю, что этот безобидный старик сбывал сигареты с наркотиком.

— Ну, тебе лучше знать.

— И кроме того, в моей школе, Матильде, нет наркотиков. Да, поистине в наши дни даже самый последний бедняк не может быть уверен в своей безопасности. До недавнего времени ограничивались тем...

— Ешь, Орацио, остынет.

— ...ограничивались тем, что похищали только состоятельных людей, а тот, у кого скромный достаток, мог жить спокойно. Теперь же опасность быть похищенным, выходит, грозит всем: моему школьному сторожу, продавцу газет на углу, мне и тебе...

Телефонный звонок прервал эту обличительную речь, и синьора Матильде с чувством облегчения вскочила со своего места, прежде чем муж успел отложить вилку.

— Кушай, я подойду.

Директор занялся своей еще не тронутой порцией требухи, уже не такой горячей, как ей полагается быть. Но в тот вечер ему решительно не везло. Жена возвратилась через несколько секунд.

— Это тебя.

— А кто? — спросил директор. Он был чуточку удивлен: так поздно ему обычно никто не звонил.

— Не знаю, он не представился.

— Терпение! Ты ужинай, Матильде, не жди меня.

Он вышел в коридорчик, где жена оставила гореть свет. Телефон стоял на маленькой мраморной полочке, и профессор Мартини взял трубку доверчиво и спокойно, как брал ее всегда целых шестьдесят лет, он вовсе не ожидал вдруг услышать в ней чей-то незнакомый голос, очень низкий и мягкий, с сильным неаполитанским акцентом. Поначалу незнакомец обратился к нему весьма церемонно:

— Это господин директор? Простите, что я вас беспокою.

— Извините, кто говорит?

— Это неважно. Эй, директор, слушай сюда. Этот маразматик, ну, знаешь, тот старикашка, который продавал всякую гадость твоим ученикам, у нас в руках. Мы, профессор, держим его и ни за что не выпустим, пока нам не поднесут на

блюдечке совсем маленькую сумму в пять-сот ты-сяч дол-
ла-ров. Повторяю: пятьсот кусков, причем обязательно
мелкими купюрами. Ты хорошо расслышал цифру, профес-
сор? Пять и еще пять нулей. Когда, как и где, мы тебе
сообщим в положенное время. Ну что, усек?

Кто знает почему, но, услышав сумму выкупа, охвачен-
ный паникой директор вдруг подумал о школьной кассе, в
которой с трудом можно было наскрести несколько десяти-
тысячных ассигнаций, и то не в долларах, а в лирах. Не-
ужели эти бандиты требуют от школы уплаты такой колос-
сальной суммы?

— А кто... кто должен платить? — пробормотал он.

— Не ты, можешь не беспокоиться. Есть один такой, кто
может это сделать. У кого хватает башлей, чтобы объявить
награду в сто тысяч долларов, для того полмиллиончика —
это сущая мелочишка. Ты что, газет не читаешь?

Мужчина произнес «мелочишка» с таким шипением на
«ч» и на «ш», что у директора Мартини несколько секунд
в ушах жужжало лишь это слово и он был не в состоянии
сосредоточиться. Но постепенно до него все яснее доходил
ужасный смысл фраз, которые произносил этот слащавый
и в то же время наглый голос. Похищение, требование
выкупа, этот вульгарный язык, этот жаргон обыкновенного
уголовника... Да неужели все это происходит на самом деле?
И с кем? С ним, всеми уважаемым директором учебного
заведения, славящегося своими традициями?!

— Но при чем тут я? — только и сумел он пробормо-
товать.

На другом конце провода раздались долгие раскаты
смеха, неторопливого, захлебывающегося, приведшего
директора в полное отчаяние.

— Да послушайте...

— Ой, перестань, профессор! Уморил. Ты доложишь
полиции о нашем разговоре, а потом будешь сидеть, как
цуцик, у телефона и ждать нашего следующего звонка. Ну
что — дошло? Только смотри, чтоб никаких фокусов, не то
этот маразматик живым не выйдет.

— Хорошо.

— Теперь иди себе спокойненько и думай только о том,
чтобы передать наше порученьице, тогда проживешь до ста
лет. Ну, бывай, директор.

«Порученьице, порученьице», — с негодованием по-
вторял про себя знаменитый латинист. Невежественные,
чужеземные и наглые люди. Мало того что преступники,

заслуживающие самого строгого пожизненного заключения! Но в какую неприятную передрагу они его затащили! И в одно мгновение, пока он вешал трубку, перед мысленным взором директора пронеслась страшная картина — он увидел, как все его столь приятное, прочное и спокойное существование рушится, словно карточный домик, разлетается вдребезги, превращается в пыль и прах. Один порыв резкого, сильного ветра, такого, что вот уже несколько дней беспрестанно дует в Риме, — и развеяны последние остатки его покоя. И что же ему осталось? Лишь дрожь в руках, которую никак не унять, и тарелка требухи под соусом, только им начатая и теперь уже наверняка окончательно остывшая. С похоронным видом, медленными шагами возвратился он в столовую, куда не долетело ни слова из его телефонного разговора.

— Что-то случилось? — сразу же спросила его синьора Матильде.

Такого скорбного лица она не помнила у мужа с того дня, когда он, возвратясь однажды к обеду, принес домой то, что осталось от их бедного, попавшего под грузовик Джакометто, — ангорского котика, жившего у них лет двенадцать и ставшего любимцем их семьи.

— Какие-то неприятности? Беда? — не отставала обеспокоенная жена. — Что-то стряслось? Несчастный случай?

— Циклон! — мрачно произнес директор, машинально вновь усаживаясь за стол.

7

— А как себя чувствует Микеле? — справилась Россана, пока они, стараясь не шаркать и не шуметь, шли по ковровой дорожке, пересекавшей обширный вестибюль.

Какие-то растения в горшках, высокие, как деревья, маленький фонтан с высоко бьющей струей, по ступеням мраморные статуи и в глубине строгий и величественный швейцар — все это свидетельствовало о богатстве и значительности этого дома и тех, кто в нем живет. Фабрицио, к которому обратилась Россана, не успел ей ответить, потому что швейцар неожиданно двинулся им навстречу и, улыбаясь, осведомился:

— Вы к кому?

— Скажите, пожалуйста, адвокат Алесси здесь живет?

— Да, на самый верхний этаж.

— Спасибо.

Круглая кабина лифта представляла собой еще одну странность стиля, в котором было построено это здание, находящееся в самой новой и роскошной части квартала у Римской Всемирной выставки. Мелодичный звоночек возвестил, что они прибыли. Горничная проводила их в маленькую гостиную, вероятно служившую приемной, и заверила, что адвокат их примет, как только освободится.

— Ребята, теперь я знаю, кем хочу стать, когда закончу университет! — воскликнул Руджеро, с восхищением озираясь вокруг.

Вскоре из-за закрытой двери послышались приглушенные голоса, неясные слова прощания, сливавшиеся со звуками негромко включенного радио. Потом в дверном проеме появилась крупная голова адвоката, одарившего троицу ослепительной улыбкой.

— Заходите, заходите, ребята, я освободился.

Он ввел их в свой кабинет, небольшую комнату, обставленную старинной мебелью. Из окна открывался великолепный вид на белоснежные здания Римской выставки. По телефону адвокат распорядился, чтобы принесли прохладительные напитки, потом поглядел на Россану.

— Ты тоже присутствовала при похищении?

Нет, я уже была в классе. Но меня так же, как моих товарищей, беспокоит судьба дядюшки Пьеро.

— Ах, вы его так называли?

— Это дочь полицейского комиссара Да Валле, — улыбаясь, сказал Фабрицио. — Они работают на пару: то, что не удастся раскрыть папе, раскрывает дочка.

— А, прекрасно! Я только сегодня утром разговаривал с твоим отцом, и он рассказал мне эту историю с найденными на квартире у старика сигаретами. Женщина, которая живет над ним, мне тоже это подтвердила.

— Ах, вот как! Я и не знала.

— Так вот, именно поэтому-то, на мой взгляд, и отпадает обвинение в торговле наркотиками. Кто знает, зачем похитителям понадобилось выдавать этого несчастного старика за того, кем он никогда не был.

— Я тоже задаю себе этот вопрос.

— Во всяком случае, поздравляю тебя, ты была великодушна.

«Этот лысик довольно любезен», — подумала слегка польщенная Россана, а двое ее друзей негромко рассмеялись.

Принесли напитки — воду с миндальным сиропом для всей троицы и мартини для адвоката. Потом Фабрицио и Руджеро пришлось вновь повторить во всех мельчайших подробностях рассказ об их субботнем приключении. Адвокат долго их расспрашивал, задавая самые неожиданные и каверзные вопросы, но так и не сумел от них толком добиться, сколько же бандитов участвовало в похищении. Фабрицио говорил, что трое, а Руджеро сомневался.

— А что думает по этому поводу ваш заболевший приятель?

— Ему кажется, что их было четверо.

— Понятно. Ну что ж, ребята, вы, к сожалению, не очень-то мне помогли. Но я просил комиссара Да Валле о встрече с вами не только для этого, главная причина вот в чем: я хочу познакомить вас с одним человеком, американским детективом, присланным сюда, в Италию, мистером Джеймсом Джардиной, братом... ну, того самого старика, которого вы называете дядюшкой Пьеро.

Он сделал паузу и нажал одну из кнопок на маленькой панели возле телефона. Никто не отозвался — за дверью все оставалось тихо.

— Мистер Джардина был буквально поражен огромным выкупом, который потребовали вчера похитители его брата. Конечно, объявив награду, мой клиент выдал себя, и теперь все знают, что у похищенного есть брат-богач и что он, вероятно, заплатит эту сумму. Но откуда похитители могли узнать о существовании моего клиента?

— Именно этот вопрос и задает себе мой отец, — отзывалась Россана. — Кроме того, по-моему, это вообще первый подобный случай. Ведь обычно похищают людей, про которых всем известно, что они богаты, и размеры состояния которых можно заранее установить.

— Да к тому же и сам план похищения был довольно сложным и рискованным.

— Папа считает, что все это сделано ради того, чтобы выкуп был в долларах. Брату дядюшки Пьеро будет нетрудно заплатить выкуп в долларах, раз он американец, тогда как родственники других похищенных в Италии могли бы платить, естественно, только в лирах.

Адвокат Алесси, смысливший в финансах, тайнах валютного обмена и контрабанды чуточку больше, чем Россана, улыбнулся несколько снисходительно, но без тени иронии. Ему не часто доводилось иметь дело с детьми, но сидящая перед ним троица ему по-настоящему нравилась. Более того,

она вызывала у него даже восхищение, его глубоко трогало то беспокойство о судьбе старого бедняка, в сущности, совсем мало знакомого им человека, которое проявляли эти подростки.

Вновь пришедший возник в комнате настолько незаметно и тихо, что трое друзей узнали о его появлении, лишь когда адвокат, подняв глаза и глядя поверх их голов, произнес:

— А, Сэм...

Очень высокий, очень худощавый, но широкоплечий (его стальное рукопожатие оказалось не так-то легко выдержать) незнакомец был смугл, его черные прилизанные волосы были разделены над высоким лбом прямым пробором, а волевая массивная челюсть резко выступала на квадратном лице. Одет он был элегантно, но, пожалуй, слишком броско. Такое впечатление создавалось, возможно, из-за небрежно повязанного шелкового шейного платка, но, главным образом, из-за украшавших его орлиный нос солнечных очков с зеркальными стеклами, которые скрывали его глаза. Как Россане, так и мальчикам не понравилась эта деталь, хотя сыщик и пытался произвести на них приятное впечатление, растягивая в широкой, американской улыбке свои тонкие, презрительно кривящиеся губы.

— Ребята, разрешите вам представить Сэма Гофмана, который только что прибыл из Соединенных Штатов с поручением Джардины отыскать его брата, — пояснил адвокат, а потом, глядя на своего гостя, улыбаясь, добавил: — А возможно, также и с поручением проконтролировать, хорошо ли справляюсь со своим поручением я. Не так ли, Сэм?

— Именно так, — отозвался американец в том же шутиливом тоне и, чтобы сломать лед, произнес несколько фраз на довольно сносном итальянском языке.

Он взял номера телефонов у Руджеро и Фабрицио, а потом и у Россаны, оставив им свой адрес — отель «Плаца». Его прощальное рукопожатие опять напомнило железные тиски, и по сравнению с ним крепкое рукопожатие адвоката Алесси показалось нежной лаской.

— Значит, условились: вы сразу обратитесь к нему, как только у вас вдруг возникнет такая необходимость — например, если вспомните еще какие-нибудь подробности, если выясните что-то новое, если у вас появятся какие-то сомнения, — одним словом, по любому поводу. Можете звонить и мне, но меня из-за моей работы, к сожалению, не так легко застать на месте, а если и застанете, то я могу в тот момент

оказаться очень занят. Во всяком случае, я хочу поблагодарить вас за проявленный интерес к этому делу. Признаюсь, меня это очень тронуло.

— Ну, что скажете? — первой нарушила молчание Россана, как только они очутились в круглой кабине лифта.

— Адвокат мне показался симпатичным, — сказал Фабрицио. — А вот тот, другой, нагнал на меня страху. Клянусь, у него под мышкой подвешен пистолет, только я не сумел толком разглядеть, потому что из-за этих его дурацких очков не понять, куда он смотрит: на тебя или на кого-то другого.

— Да уж, с таким парнем не хотелось бы столкнуться на узкой дорожке, — согласился с ним Руджеро.

Швейцар стоял все на том же месте и почтительно им поклонился. Выйдя на улицу, прежде чем оседлать свои мопеды, они немного постояли у подъезда.

— Знаешь что? — сказал Руджеро, обращаясь к Россане. — Этот братец, этот Джеймс Джардина... что там ни говори, но, как только адвокат произнес его имя, я сразу подумал, что это какой-нибудь крупный итало-американский гангстер из «Коза Ностра»¹.

— Только из-за одного его имени? Да брось ты.

— Нет, правда. Может, мне только так показалось. Но подумай сама: имя американское, а фамилия итальянская — совсем как в «Крестном отце»². Ты смотри: у него в кармане наготове куча денег, если он может как ни в чем не бывало объявить награду в сто тысяч долларов, заплатить такой огромный выкуп и одновременно оплатить адвоката и все другие расходы, тоже, наверно, немалые. Кроме того, он вот так запросто присылает сюда этого так называемого детектива с рожей наемного убийцы, который болтает по-итальянски и одет по европейской моде. По-моему, Сэм Хофман — это придуманное имя. Кстати, есть американский актер, которого зовут как-то вроде...

— Актера зовут Дастин Хофман.

— Вот-вот. Я чувствую, тут что-то не так. Ну что может

¹ Буквально: «Наше дело» — разветвленная преступная организация в США, американская мафия, связанная с итальянской мафией.

² Нашумевший фильм американского режиссера Фрэнсиса Форда Кополлы, поставленный по одноименному роману Марио Пьюзо. Герой его — один из главарей американской мафии, гангстер итальянского происхождения.

сделать этот Сэм здесь, в Италии, за несколько дней? Он не знает, кто похитил дядюшку Пьера, не знает, зачем это сделали, не знаком с городом, не знаком с людьми... Джеймс Джардина должен быть полным идиотом, чтоб послать его сюда. Нет, я думаю, у них тут, в Италии, есть связи — сообщники, осведомители, что-то вроде базы, а всем этим может располагать только итало-американский гангстер.

— А что, если ты вдруг прав?

— Что?

Руджеро в изумлении уставился на Россану — глаза у нее сияли, на губах играла улыбка.

— Допустим, ты попал в самую точку: в таком случае мы открыли истинную причину похищения! Ударив по дядюшке Пьеро в Италии, похитители практически нанесли удар по его брату в Соединенных Штатах. Не знаю зачем — то ли чтобы его шантажировать, то ли чтобы заставить раскошелиться, а может быть, только из-за мести.

— И кто же, по-твоему, мог это сделать? — спросил в сомнении Руджеро.

— Другие мафиози, люди из соперничающей «семьи»¹. Во всяком случае, люди, которые в состоянии послать сюда трех-четырех бандитов, способных чистенько и профессионально выполнить свою работу, не оставив никаких следов. Подумай только, папа говорит, что до сих пор не удалось найти автомобиль «1750». Они его, поди, сожгли, закопали, уничтожили, чтобы наверняка не оставить ни малейшей улики. Кто, по-твоему, способен на такое? Только профессионалы, настоящие гангстеры вроде этого Джардины, а не какие-нибудь там мелкие вымогатели.

Они помолчали, размышляя каждый про себя. Фабрицио был доволен, что дочь комиссара согласилась с его предположением. Руджеро же по-прежнему выглядел несколько ошарашенным: эта новая гипотеза, хоть с виду и логичная, не очень-то его убеждала. Россана это заметила и толкнула его локтем в грудь.

— Ну, давай выкладывай, что у тебя вызывает сомнения.

Руджеро пожал плечами: чем он виноват, если ему не нравится, когда все кажется таким простым и ясным, идет гладко, как по маслу?

— А разве можно быть до конца уверенным, что эта гипотеза правильна?

¹ Одно из звеньев в сложной структуре мафии.

— Чип¹,— проворчал Большой Тото, по прозвищу Баржа, поглядев в свои пять карт с брезгливым видом.

И надо же, чтобы так неслыханно не везло! Сплошное убожество. За весь вечер один только «стрит», да и тот крошечный, как сердце у скупца, а потом карта и вовсе перестала идти. Слава богу, хоть играли по маленькой и он продул только тридцать тысяч или около того. Он вновь бросил взгляд на два своих туза, потом на партнеров, сосредоточенно изучающих карты. Нечего и думать обжурить таких прожженных типов: к сожалению, известно, что порон ворону глаза не выключает...

— Ну ладно, чип так чип,— согласились его противники, и Большой Тото открыл карты, не строя никаких иллюзий.

— Два туза.

— У меня четыре дамы.

— Чепуха, парень. У меня «покер» — короли.

Никакой надежды. Комбинации хоть и не ахти какие, но все лучше, чем у него, и блефовать бесполезно и рискованно. Выигравший, подвинув к себе блюдечко с деньгами, опрокинул его на стол и сгреб банк. Баржа проводил взглядом своих водянистых глазок эти несколько быстрых движений его рук, потом демонстративно поглядел на часы, надеясь, что приятели поймут намек. Ему до смерти хотелось прекратить игру, но не пристало проявлять инициативу самому: не по-мужски бросать карты, когда проигрываешь.

— Тебе сдавать,— сказал игрок, сидящий справа, проигивая ему колоду.

Но Большой Тото все же нашел подходящий предлог покинуть игорный стол, причем, похоже, окончательно: время было уже позднее.

— Пойду-ка взгляну на старика,— объявил он, резко поднимаясь, и двое остальных переглянулись, решая, стоит ли продолжать игру без него: ведь играть в покер вдвоем не очень-то интересно.

— Выпьем по стаканчику,— предложил Рыжий. Но Большой Тото уже вышел из-за стола и ударом ноги распахнул еле держащуюся на петлях дверку, ведущую в соседнюю комнату.

¹ Ч и п ы — игральные фишки.

Большой Тото включил свет, и скорчившаяся на железной койке фигурка зашевелилась.

— В чем дело?

— Папочка пришел пожелать спокойной ночи тебе, выживший из ума жалкий идиот, — прогремел толстяк, придвинув свою массивную тушу к самой постели.

Старик Пьеро с трудом приподнялся, сел и попытался протереть глаза. При этом надетые на него наручники тоненько зазвенели. Одна пара сжимала ему кисти рук, другая — щиколотки ног, длинная цепь приковывала наручники к спинке кровати. Эти кандалы с него не снимали с самого дня похищения. Сначала он боялся, что от них будут кровавые раны. Но потом увидел, что наручники надели не туго и он может массировать кожу под ними в долгие, нескончаемые часы одиночества, когда его единственным развлечением было лежать и глядеть на маленький квадрат неба, видневшийся в окошке, расположенном очень высоко, под самым потолком. Глядеть и думать свои невеселые думы — ничего больше. Надеяться было не на что. Только в первые часы неволи у него еще оставалась какая-то надежда, он думал, что это похищение, наверно, ошибка, что его приняли за кого-то другого. Больше того, он даже пытался шутить. «Если вы пойдете ко мне домой, — говорил он, — то под решеткой на плите найдете сорок тысяч лир. Вам этого хватит в качестве выкупа?»

Шутка, однако, не имела успеха ни у одного из похитивших его бандитов, окруживших его жалкое ложе. Тот, которого сообщники называли Большим Тото, здоровенный верзила со зверской рожей и ужасным неаполитанским выговором, только зло усмехнулся: «Тоже мне Рокфеллер! Конечно, кто не позарится на твои сорок тысяч, ведь это же целое состояние, не так ли, старина?» Все засмеялись, и представление продолжалось. «Тогда чего же вам от меня надо?» — спросил Пьеро, впервые по-настоящему ощутив беспокойство. О том, что задумали бандиты, ему рассказал все тот же Большой Тото и, увидев, как старик побледнел, громко заржал. «Этого ты не ожидал? Скажи-ка по правде?» — прошипел он, угрожающе ухмыляясь, и придвинул вплотную к нему свою потную физиономию.

С той минуты старик потерял всякую надежду. Живым ему из этой переделки теперь-то уж наверняка не выйти, хотя никто из тюремщиков еще и не соблаговолил сказать, что его ждет. Это было ясно и так, хотя бы по тому, что эти люди обращаются с ним безо всякого уважения. Они лишь

THE NEW YORK PUBLIC LIBRARY ASTOR LENOX TILDEN FOUNDATION

поддерживают в нем жизнь, так как он еще может пригодиться для осуществления их планов, — но никак не более того. Скучная и грубая пища, то и дело тычки и пинки, никаких лекарств, никакого ухода, столь необходимых в старости. Ему предоставляли лишь возможность валяться на этой грязной соломенной подстилке и глядеть на квадратик неба в высоком окошке. И думать.

— Все в порядке? Пить хочешь? — спросил Большой Тото, даже не взглянув на него.

Старика удивила такая необычная любезность. Откуда Пьеро было знать, что бандит просто старается задержаться у него чуть подольше, чтобы не возвращаться за карточный стол. Он еле заметно покачал головой.

— Не хочешь?

— Нет.

— Тебе куда-нибудь надо?

Идиотская фраза. Будто его куда-нибудь пустят, как предлагает сейчас этот висельник! У старого Пьеро было одно желание: забиться в какую-нибудь нору как можно дальше отсюда, где никто не смог бы его найти до конца дней. Но неаполитанец подразумевал под «куда-нибудь» всего лишь тесную грязную уборную с дверью без задвижки, находившуюся по соседству с койкой старика. Туда ему позволялось удаляться — на это хватало длины цепи, привывавшей его к кровати.

— Нет, — повторил Пьеро, вновь закрыв глаза и желая лишь, чтобы этот человек поскорее ушел.

Но Большой Тото не торопился. Он потер ладонью свой мощно выпирающий желудок, потом решил в тишине и покое выкурить сигарету, с удовлетворением прислушиваясь к тому, что происходило в соседней комнате. Его приятели, очевидно, прекратили игру и говорили, что пора уж залечь спать. С довольным видом толстяк вытащил золотую зажигалку и, резко чиркнув, зажег кончик торчащей у него из рта длинной сигареты. Он чувствовал себя способным на небывалую щедрость.

— Хочешь покурить? — спросил он, равнодушно взглянув на пленника.

— Нет.

— Эти сигареты без наркотиков. Тут нет марихуаны, — добавил он со смешком.

Старик молчал, глаза у него были закрыты.

В эту самую минуту мужчина в зеркальных очках взобрался на карниз. На секунду-другую он застыл в непод-

вижности, чтобы проверить, не видел ли кто его с улицы. Крыша представляла собой нескончаемую черепичную равнину с высящимися тут и там старыми, ныне бесполезными печными трубами и чердачными окошками. Сквозь густую тьму, пронизанную влажным дыханием близкого, но невидимого Тибра, угадывался промышленный и торговый квартал Портуэнзе. Старые коричневые дома, чередовавшиеся современные и старые заводские цеха, несколько колоколен маленьких, уже много лет не действующих церквушек.

Мужчина огляделся вокруг, быстро сориентировался и, воспользовавшись тем, что над головой с грохотом пролетел реактивный самолет, начал продвигаться к ближайшему слуховому окну, из которого лился слабый свет. При его приближении с громким шумом кинулись наутек невидимые в темноте крысы. На улице, совсем близко, залаяла собака, и две-три ее подруги словно нехотя ответили ей по соседству. На несколько секунд все звуки заглушил рокот моторов колонны тяжелых грузовиков. Приблизившись почти вплотную к окошку, человек в зеркальных очках вынул большой черный пистолет и не спеша снял его с предохранителя. Снизу доносились неясные голоса. Очень осторожно он заглянул в окно — стекло было слишком грязным, чтобы его мог кто-нибудь заметить. Но оно было слишком грязным и для того, чтобы разглядеть, что происходит внутри. Ему все же удалось достаточно ясно различить фигуры двух мужчин, сидящих за квадратным столом.

Человек в зеркальных очках еще не был до конца уверен, нашел ли он то, что ищет. Он приник к окну, стараясь услышать сквозь щель, о чем говорят эти люди.

В этот момент Большой Тото, по прозвищу Баржа, захлопнул у себя за спиной дверьцу и швырнул на пол окурок.

— Я спел нашему малышу колыбельную песенку, — проорал он и схватил со стола бутылку.

Человек с револьвером улыбнулся. Теперь никаких сомнений! В общем, считай, крупно повезло. Если бы не это ниспосланное провидением слуховое окошко, ему пришлось бы добираться до балкона, опоясывающего весь задний фасад старого дома, и пустить в ход пистолет. Теперь же в пистолете уже не было необходимости. Он опустился на колени, поискал что-то еще во внутреннем кармане пиджака. Когда он оперся рукой о выступ под слуховым окном, отломилось и упало несколько кусочков штукатурки. Большой

то поднял глаза к окну, но ничего не увидел: одна крошечная дыра.

— Это крысы, Тото, — сказал один из бандитов, перебив его взгляд. — Их тут сотни на этих крышах.

— Вчера ночью я поймал одну в уборной, — доложил другой и зевнул, широко открыв рот с гнилыми зубами.

Если бы человек в зеркальных очках смог угадать, что верней, которую он различал со своего наблюдательного поста, лежит скованный узник, он изменил бы свои планы. Он этого не знал, более того — был убежден, что старик сидит где-то в более отдаленном и надежном месте. Он вынул из кармана ручную гранату, и вновь его губы медленно растянулись в улыбку — ледяная, полностью лишенная всякого тепла. Он выбрал подходящее место и сильно нажал по стеклу рукояткой револьвера. На него глядели ошарашенные, задранные кверху физиономии, похожие на аких-то жутких, ошипанных цыплят. Зрелище это длилось одно мгновение, пока железка величиной с кулак молниеносно падала вниз, пока она не стукнулась об угол стола рядом с колодой карт.

От взрыва задрожала вся крыша, и тысячи потревоженных старых черепиц издали громкий, почти веселый треск. Над крышей наступила мертвая тишина. Человек в зеркальных очках в несколько прыжков достиг карниза, пока внизу, на улице, дребезжала, ворча и отплевываясь, какая-то разбитая малолитражка. Он повис на руках, не глядя вниз, в кармане, перебирая в памяти уже известные ему цифры — требуемую заранее высоту, количество метров и шагов. Он этого не видел, как он приземлился на тротуаре. Это был тихий квартал, а в немногих обитаемых домах разбуженный грохотом люди еще протирали глаза или вслепую шли по улице. Все собаки в округе истерически завыли, словно окликая друг друга.

— Сматываемся, — приказал он, открывая дверцу машины. — Включи мотор.

— Все о'кей?

— Все о'кей.

Никто не обратил внимания на небольшой, неброский автомобиль с двумя сиденьями, который на умеренной скорости, мигая фарами на каждом перекрестке, не снабженном светофором, направлялся к центру города. Машина была уже на площади Венеции, когда навстречу ей с воющим гулом пронеслась полицейская «газель».

Джанфранко, школьный сторож, стоял, как всегда, у входа, и мимо него пробегали последние опаздывавшие ученики. Он был здесь такой же привычной фигурой, как всего еще несколько дней назад и дядюшка Пьеро. Именно об этом подумали Руджеро и Россана, молча поднимаясь по лестнице школы. Дойдя доверху, они оглянулись: сегодня после болезни должен был прийти в школу Микеле. Фабрицио обещал заехать за ним домой на своем мопеде.

— Живее, уже был звонок, — поторопил их Джанфранко.

Лицо у него было сонное, и побриться сегодня он, видимо, не успел. Руджеро подмигнул ему:

— Пойди-ка лучше свари себе кофе. Ты, по-моему, еще не совсем проснулся.

— Тебе хорошо шутить. А я, знаешь ли, на работе, не то что вы, папенькины сынки.

— Привет! — раздался у них за спиной голос Фабрицио.

Микеле, еще более бледный и худой, чем всегда, с маленьким личиком под копной жестких, непослушных волос, лишь молча улыбнулся сторожу. Фабрицио замешкался, ставя мопед в ряд с другими.

— Эй, поторапливайтесь! Идете вы или нет? — крикнул Джанфранко.

Поднимаясь по почти совсем уже опустевшей лестнице, они обменялись последними новостями, точнее, ввели Микеле в курс дела. Мальчик не скрывал своей досады, что проболел весь первый этап расследования, и слушал их с жадностью.

— Ну и что вы обо всем этом думаете? — спросил он, выслушав их рассказ, но смотрел он только на Россану, и ей это было приятно.

— У нас с Фабрицио есть на этот счет одна мыслишка. Нам кажется, что этот братец дядюшки Пьеро — что-то вроде «крестного отца», одним словом, принадлежит к мафии. Если это так, то многое становится понятным. Вся загвоздка только в том, что мы не знаем, как это проверить

— А ты поделись этим предположением с отцом.

— Я ему намекала.

— И что же он?

— Рассмеялся.

— А ты вновь заведи об этом разговор и, когда он

кончит смеяться, прямо спроси, не может ли он это проверить. Ведь неспроста вам в голову пришла эта мысль?

Россана усмехнулась, представив себе выражение лица своего папаша, когда он услышит такую ее просьбу. Отец и так-то еле терпит, когда она начинает расспрашивать его насчет расследований. Вряд ли он станет беспокоить Интерпол¹, чтобы удовлетворить любопытство дочери. К тому же ее предположение может оказаться совсем беспочвенным, а если они даже и узнают, чем занимается старый Джеймс Джардина и действительности, то вряд ли это поможет найти дядюшку Пьеро.

Когда они подошли к дверям 1-го «А», Микеле задал еще один — последний — вопрос. Фабрицио и Руджеро уже стояли на пороге класса.

А где живет этот американский братец?

По-моему, в Бостоне.

Микеле удивленно вытаращил глаза, и его бледное лицо залила легкая краска.

В Бостоне?! Так у нас же в Бостоне живет мамина двоюродная сестра! Мы можем ей написать и спросить, не знает ли она этого...

Ребята! — Любезно, но решительно директор указал Микеле на еще открытые двери класса и, как только пышная шевелюра мальчика, которая была чуть ли не больше его самого, скрылась за дверью, строго уставился на Россану. — Тебе не кажется, что ты опаздываешь?

Да-да, извините, — пробормотала она, поспешно направляясь по коридору к своему классу. Но мысли ее уже были заняты тем, как использовать эту неожиданную возможность.

Если родственница подтвердит, что Джеймс Джардина действительно известный в Бостоне гангстер, ее отцу придется учесть это и он поведет расследование соответствующим образом, а не будет «бродить на ощупь в потемках», как пронизируют газеты. Более того, Россана даже ощутила некоторые угрызения совести от того, что ее стараниями опала версия о торговле дядюшки Пьеро наркотиками. И полиция уже успела построить свою теорию: мол, соперничающая банда избавилась от конкурента-старика и почти наверняка его ликвидировала. Все ясно и понятно — дело можно закрыть и сдать в архив. Доказав же, что пакет с опиатами был подброшен в жилище старика уже после

¹ Международная полицейская организация.

того, как тот ушел из дому, Россана поставила под сомнение результаты следствия.

Директор Мартини проводил девочку внимательным взглядом. Он уже думал о другом. Новые ученики четвертого класса гимназии его всегда очень интересовали. Они приносили с собой настроения городской неполной средней школы, тот дух обновления, который, хочешь не хочешь, не пройдет и нескольких лет, воцарится, наверно, во всей итальянской школе. Ученики лицея — другое дело, их-то он хорошо знал и не ждал от них никаких сюрпризов. Объектом его изучения каждый год становились новички, только пришедшие к нему в лицей: лишь наблюдая их с малолетства, можно было избежать того, что, повзрослев, они вырастут для него в неразрешимую проблему. Верен ли был его метод?

Он размышлял об этом, не спеша направляясь по коридору к своему кабинету, как вдруг из-за угла выскочила секретарша. Увидев его, она стала подавать ему знаки.

— Господин директор, вас к телефону. Срочно!

Без всякой причины он вдруг почувствовал, как горло ему железной рукой сжала тревога. Торопливо просеменил он вслед за секретаршей в свой кабинет, и черная телефонная трубка, лежащая на бумагах, показалась ему чем-то опасным, таящим угрозу — чуть ли не бомбой.

— Алло.

— Это директор Мартини? — спросил слегка гнусавый голос. Во всяком случае, голос был незнакомый, и директор сразу почувствовал облегчение.

— Да, — произнес он даже с излишней теплотой. Но улыбка сразу же исчезла с его губ, и секретарша, искавшая на столе среди высящихся горой учебников записную книжку, увидела, как он побледнел.

— Господин директор, сумма возросла. Теперь речь идет не о полмиллионе, а о миллионе долларов. Поняли?

— Миллионе? А почему? — растерянно пролепетал он, и это вызвало на другом конце провода громкий смех.

— Господин директор, так ведь денежки-то должны выложить не вы. Я сказал — миллион, а почему — не ваше дело. Человек, который должен их заплатить, поймет, почему мы решили увеличить сумму.

— Я передам комиссару...

— Вот молодец! Так и передай. Даем, скажи, еще несколько дней — ровно столько, чтобы собрать монету, а потом я опять тебе звякну и скажу, что делать.

В телефонной трубке раздался щелчок и лишил директора всякой возможности что-нибудь ответить — если допустить, что ему вообще было что ответить... Тяжело дыша, он оперся о письменный стол.

Вам плохо? — обеспокоенно спросила секретарша, подбегая к нему.

— Ничего, ничего. Не обращайтесь внимания. Лучше сидите... вы... вы нашли записную книжку?

— Да, вот она.

— Поищите, пожалуйста, телефон Да Валле. Да Валле. Как только номер был найден, директор поспешно набрал по тревоге не отпускала. По счастью, комиссар был у него, и Мартини без лишних слов сообщил ему о телефонном звонке.

Вы понимаете? Они не останавливаются даже перед тем, что беспокоят меня в этих священных стенах!

Да, конечно, я должен был это предвидеть. Мы держим под контролем ваш домашний телефон, а они звонят нам в лицо.

При этом новом смертельном ударе профессор Мартини бессильно упал в кресло. Секретарша стояла и не знала, что делать — бежать, звать на помощь? На директора было просто страшно смотреть.

Что? Мой домашний телефон... телефон... вы прослушиваете мой телефон? Боже мой, это неслыханно!

— Почему? Обычная мера предосторожности. Если бы я знал, что вы придадите этому такое значение, я бы спросил вашего разрешения.

Не слушая, что ему отвечает директор лицея, комиссар Да Валле принялся размышлять. С чего это похитители вдруг так неожиданно увеличили сумму выкупа? Как на это может реагировать старый Джеймс Джардина? Пока что единственная возможность схватить бандитов — это, пожалуй, именно засада в момент передачи им денег. Тем более, все полученные до сих пор сигналы (а их было множество ввиду обещанной награды) подсказывают пути весьма ненадежные, а то и вовсе ведущие в тупик.

Во всяком случае, дайте мне знать, если будет что-то новое, — сказал комиссар, не слишком-то, впрочем, надеясь на этого столь уважаемого, но такого пугливого человека.

Что я могу вам еще сообщить? Пока что я отправлюсь домой, мне нужно прилечь. Надеюсь, эти негодяи оставят меня, наконец, в покое.

Вот в этом я не совсем уверен. До свидания.

«Однако засаду надо будет устроить очень осторожно, продолжал размышлять комиссар под внимательным взглядом старшины Калабро — когда позвонил директор, тот стоял рядом и докладывал о результатах допросов в связи с одним ограблением. — Иначе эти типы угробят старика — и дело с концом. Хорошо еще, что братец из Америки не вздумал просить его задержать полицейское расследование до тех пор, пока не будет уплачен выкуп, как это обычно происходит при похищениях в Италии».

— Да, кстати! — воскликнул он, снимая телефонную трубку и одновременно раскрывая справочник абонентов. Он начал набирать номер под неотрывным взглядом старшины, по-прежнему стоявшего рядом.

— Адвоката нет в конторе, — ответил бархатный голос секретарши. — Скажите, пожалуйста, кто говорит?

— Говорит комиссар Да Валле. Мне необходимо связаться с господином Алесси по весьма срочному делу.

Девушка, наверно, получила точные указания, так как немедленно дала ему другой номер, по которому можно было попытаться найти адвоката. На этот раз повезло.

— Адвокат, с вами говорит комиссар Да Валле, — представился полицейский комиссар, услышав знакомый голос.

— Ах, это вы, комиссар! Слушаю вас.

— Есть новости: они опять звонили.

— И что же?

— Теперь они требуют миллион. Директор школы не сумел мне объяснить почему.

Последовала очень долгая пауза. Комиссар ее не нарушал, пока у него не иссякло терпение.

— Вы предполагаете, что ваш клиент заплатит, его не остановит эта новая сумма? — спросил он, заинтригованный столь долгим молчанием.

На этот раз адвокат не заставил ждать ответа.

— Он предоставил мне полную свободу действий, не ограничивая сумму. Заплатит.

— Ну вот и хорошо.

— Для этого понадобится какое-то время, но, я думаю, похитители это сами понимают.

— Я тоже так думаю.

— Ладно, комиссар. Тогда подождем.

Повесив трубку, адвокат Алесси сразу же поднял глаза на человека в зеркальных очках, смотревшего на него через

разделанный их письменный стол. Он побарабанил пальцами по кожаной папке.

Миллион!

И этого ждал, — ответил тот, ничего не объясняя.

Логика подсказывала, что это была цена его ночного бдения. Похитители хотели показать, что граната их вовсе не пугала.

Несколько минут они молча глядели друг на друга, каждый погруженный в свои мысли, потом детектив резко ахнул.

Ну ладно, я пойду, — сказал он и, не дожидаясь ответа, направился к пожарной лесенке, которая, тесно прижавшись к гладкому торцу здания, спускалась вниз на улицу с высоты восьмого этажа.

При воспоминании о том, что произошло прошлой ночью, у него до сих пор все дрожало от ярости. Он злился на самого себя. Пока что так и не удалось узнать, кто стал жертвой варява брошенной им ручной гранаты: сразу же прибыла полиция, но, кроме обильных следов крови, не обнаружила на месте происшествия ни убитых, ни раненых. Утренние газеты сразу же начали строить предположения насчет тайного убежища фашистских террористов, но журналисты, так же как и полиция, не спешили с расследованием, пытались прежде выяснить, кому принадлежит дом. В самом деле его владельцем оказалось какое-то загадочное общество, директор которого — явно подставное лицо, какой-то несчастный, совершенно слепой старик, находящийся в богадельне, — был, конечно, не в состоянии сообщить хоть что-нибудь важное.

Но это еще полбеды, поскольку своим походом он, в сущности, хотел показать похитителям старого Пьеро, что они разоблачены. Беда была в том — и, вновь переживая ее, он в ярости сжимал кулаки, — что рядом с заброшенным кладом, где произошел взрыв, обнаружили каморку с ружьем и кандалами. Это не возбудило подозрений полиции — никаких оснований связывать историю со взрывом с недавним похищением уличного торговца у нее не было.

Купите цветы, синьор, — обратилась к нему женщина седыми волосами, схваченными лентой.

Он отстранил ее рукой. Расталкивая прохожих, он прокладывал путь стремительным и упругим шагом хищника, все еще сжимая кулаки. Если бы он только мог себе представить, что старик был там, он бы действовал совсем иначе, он при-

а бы с собой парочку надежных парней, и эти три болвана, девшие за карточным столом, наверняка бы от них не или. И вот такая блестящая возможность была бездарно ущена. Представится ли еще другой такой удачный учай? Он сильно в этом сомневался. Теперь похитители, верно, уже отдают себе отчет в том, что игра становится асной, и будут осмотрительней.

Переходя улицу, он увидел приближающийся автомобиль. Хотя боковым зрением он и определил, что машина е довольно далеко, все же из осторожности поглядел в сторону. И это спасло ему жизнь. Он различил повернутое ему лицо, сидящего рядом с водителем человека, а главное, юткий ствол нацеленного на него автомата и сразу все иал. Он не бросился ни влево, ни вправо (в обоих случаях бы пристрелили из машины), а резко повернулся и

сился вперед — навстречу тормознувшему автомобилю. ним прыжком он вскочил на его радиатор, оттуда на шу, одновременно пытаясь выхватить пистолет — а это о совсем не просто, так как надо было сохранять равноте. Когда он соскочил на мостовую, уже заприметив олитражку «фиат», за которой можно было укрыться ду ее водителя был перепуганный насмерть), автомобиль индитами газанул и сорвался с места так, что только ышки засвистели. Короткая злобная автоматная едь разбила вдребезги светофор и ударилась в стену а, по счастью не задев никого из прохожих.

Человек в зеркальных очках поднялся на ноги, чувствуя ую боль в спине. Задавать себе вопрос, ушиб у него или яжение, не было времени. В нескольких шагах от него тормозил обалдевший от страха парень на японском цикле. Он вспрыгнул на сиденье позади парня и при- я к его спине.

— Постарайся следовать за этой машиной, только не ь заметно, — сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал ишком грубо, но и не слишком дружелюбно.

— Но я...

— Заткнись, побеседуем после. Пошевеливайся — и чишь сотню тысяч за беспокойство.

арню еще предстояло заплатить за кожаную куртку, ыла на нем; да и за купленный в рассрочку мотоцикл алось сделать добрую дюжину взносов. Поэтому, шав о подобной перспективе, он устремился вперед так, о участвовал в мотогонках на Большой приз Италии. начала всей этой сцене ны не прошло и тридцати секунд.

«Я считаю, что самое лучшее — объяснить все подробно», — советовала Россана, и Микеле последовал ее совету. «Дорогая тетя, — начал он, — обращаюсь к тебе с очень большой просьбой. Выполнить ее тебе почти ничего не стоит, а для меня это крайне важно...»

Каждый из них перечитал письмо про себя. На лицах у всех отразилось удовлетворение.

— Что за человек эта кузина твоей матери? — поинтересовалась Россана.

Микеле подмигнул ей в ответ.

— Она что надо. Хотя я ее несколько лет и не видел, но прекрасно помню. Очень симпатичная. Полная гарантия.

— Думаешь, она этим займется?

— Готов поклясться.

— Ну, хорошо. Только обязательно отправь авиапочтой.

— Иду.

Микеле направился к двери, Руджеро включил проигрыватель, а Россана пошла на кухню приготовить какое-нибудь питье со льдом. После нескольких ветреных дней установилась редкость теплая погода, и целый день, совсем как летом, хотелось пить. Услышав музыку, доносившуюся из комнаты дочери, синьора Да Валле вздохнула и поправила очки на носу.

«С каждым днем эта девчонка занимается все меньше... — подумала она, продолжая критически разглядывать в модном журнале новые фасоны на осенне-зимний сезон. — Все равно, пожалуй, поздно что-нибудь шить: ведь на дворе уже октябрь», — вздохнула она про себя. Впрочем, без особого огорчения: денег дома было не густо и она уже смирилась с мыслью, что придется обойтись прошлогодним гардеробом.

— Можно взять вермут, мама? — спросила Россана, заглядывая в комнату.

— Не кричи, разбудишь Джорджино.

— Да, я забыла, извини.

— Возьми, только не трогай папино виски. Хорошо?

— Эту пакость? Будь спокойна, не трону.

Когда Россана вернулась в комнату с подносом, на котором стояли бутылка и бокалы, Фабрицио с Руджеро изображали пару, танцующую танго.

— Шуты гороховые!

Не успели они налить себе соку с вермутом, как воз-

вратился Микеле. Он был бледнее обычного и тяжело дышал.

— Готово!

— Ты что, бежал бегом по лестнице?

— Пришлось! На меня напала собака, чуть не укусила и гналась за мной до второго этажа.

— Это моська старика Паскуале,— смеясь, объяснила Россана.

— Какого еще Паскуале?

— Нашего лифтера.

— Я его не видел, там никого не было.

— Вот именно. Оттого-то собачонка и пыталась тебя укусить. Когда лифтер уходит, он оставляет ее сторожить, и она, не разбирая, входят или выходят, набрасывается, как зверь, на всех чужих.

Они еще пошутили по этому поводу, послушали пластинки с песнями Дэйвида Боуи и Алисы Купер, а также парочку песен Габриэлы Ферри, чтобы доставить удовольствие Микеле. Тут Россана решила, что пора изложить свою идею.

— Ребята, мы что же, послали письмо в Америку — и дело с концом?

— А что еще мы можем сделать? — удивленно спросил Фабрицио.

До этого разговор шел совсем о другом, и Руджеро с Микеле сразу замолчали, внимательно глядя на Россану.

— Я предлагаю создать небольшую оперативную группу, которая начнет действовать в тот день, когда будут вручать выкуп. А я думаю, что этого ждать уже недолго.

— Создать что?

— Опергруппу. Я постараюсь выведать у отца место и час. Если я буду осторожна, он не догадается о наших намерениях, думаю, мне это удастся. А если не получится с отцом, попытаюсь что-нибудь вытянуть из старшины Калабрю — он папина правая рука, они с ним большие друзья.

— А что потом?

— А потом мы возьмем мопеды и начнем кружить вокруг да около, держась на приличном расстоянии. Похитители, конечно, на нас не обратят внимания, и если нам повезет, а главное, если мы будем смотреть в оба, то, может, что-нибудь нам и удастся.

— Ну а вдруг придется на наших тарактелках гнаться за автомобилем... — возразил Фабрицио.

— Что ж, тут многое зависит от везения. Но ведь никто не сказал, что выкуп будут передавать ровно в полночь где-

ибудь за городом, например у могилы Цецилии Метеллы¹.
Что может произойти и днем, где-то в центре, на улице,
абитой транспортом, где они не смогут передвигаться
быстро.

— У Клаудии есть мопед с несерийным мотором — она
говорит, что он дает девяносто пять в час, — сказал Микеле.
Клаудия была сестра Микеле, старше его на год.

Россана взглянула на него с интересом.

— Думаешь, она тебе его даст?

— Конечно.

— Значит, ты возьмешь свой мопед, а я ее. У Фабрицио
Руджеро свои, значит, мы все четверо будем на колесах.

— Я — «за»! — сказал Руджеро.

— Я тоже, — сказал Фабрицио.

— И я, — присоединился Микеле, подняв правую
уку. — Надеюсь, что «за» будет и Клаудия, когда я по-
прошу у нее мопед.

— Ты же сказал, что она его одолжит наверняка.

— Да, а вдруг он ей самой понадобится?

— В таком случае остается надеяться, что он ей будет не
ужен.

Проводив гостей, Россана села за уроки, но минут через
задать ее занятия прервал телефонный звонок. Потом
на почтала еще минут десять — и опять телефон, еще пол-
са — и новый телефонный звонок. Россана решила, что
нее хватит, и захлопнула учебник по латинской литературе.
оскольку по телевидению в тот вечер передавали какую-то
укотищу, можно было использовать время как-нибудь
лучше.

Она включила транзистор и погрузилась в размышления.
сли она хочет оправдать прозвище, которое ей дали ребята
которое к ней прочно приклеилось — Комиссарочка, то ей
льзя осрамиться. Пока счет был один — ноль в ее пользу:
на сразу почувствовала, что старик Пьеро не имеет отноше-
ия к грязной торговле наркотиками. Понять это было не-
удно, достаточно знать старика. Вот и все, в чем она
еуспела. Пока негусто. Главный же вопрос — с чего вдруг
житили дядюшку Пьеро — оставался покрытым мраком.
утешаться она могла только тем, что и отец пока тоже не
шел на него ответа. Но отцу важнее всего было разыскать
арика, уж потом он сам рассказал бы во всех подробностях,
к попал в эту историю. «Правда, при том условии, если

¹ Древнеримский памятник на Старой Аппиевой дороге возле Рима.

удастся выйти из нее живым», — мрачно подумала про Россана, чувствуя, что ее покидает обычный оптимизм. И она услышала, что в «Последних известиях» передают о необычное. «Ожесточенная перестрелка в квартале Якано. Имеются убитые и раненые», — читал диктор сообщение, начало которого Россана прослушала, погруженная в свои невеселые размышления.

На аллее Юлия Цезаря несколько часов назад — никто похожих не понял толком, с чего все началось, — произошла яростная перестрелка между несколькими неизвестными, вышедшими из бара, и пассажирами машины марки «Лия». Автомобиль, как выяснилось впоследствии, был украденным. Судя по результатам стычки, участия в ней «профессионалы»: на мостовой осталось два человека, один человек тяжело ранен и отправлен в безнадееж-ного состоянии в больницу. Личность одного из убитых установить — это некий Антонио Аббатини, по прозвищу Большой Тото, или Баржа. Любопытная подробность — добавил диктор, — на теле убитого обнаружены ожоги и ожоги, полученные им, по-видимому, в результате удара дна за два до происшедшего столкновения».

Ты слышала, мама? — шумно врываясь в спальню Россаны, закричала Россана.

Нина Да Валле, задремавшая с газетой в руках, открыла глаза.

Ты меня напугала. Что я должна была слышать? Россана передала ей сообщение, не упустив ни единой подробности. Мать тяжело вздохнула и сокрушенно по-головой.

Боже мой, Рим становится чем-то вроде Чикаго двадцати лет! Сколько раз уже сообщали о перестрелках, а с прошлой субботы, когда похитили этого несчастного парика?

Россана хотела было ответить, но вдруг задумалась и сказала. «Начиная с прошлой субботы», — сказала мать. святая правда! Ведь все началось именно с того дня! а другой стычки со стрельбой и даже взрыв бомбы на складе. Конечно, возможны простые совпадения. Например, в первый вечер — в ресторане близ улицы Якане двое мужчин начали ссориться, а потом принялись бить друг друга из револьверов. Этот случай явно ясно не имеет к похищению никакого отношения — просто ссора и ничего больше. Но остальные, остальные? «Вся беда в том, что я никогда не могу обосно-

вать приходящие мне в голову идеи и никогда сама не знаю, верны они или нет», — с огорчением подумала девочка. Мать, наблюдавшая за ней, сразу заметила, как изменилось выражение ее лица.

— Что с тобой?

— Не знаю. Пожалуй, ты подала мне одну идею.

— Святое небо! — воскликнула синьора Да Валле, вновь прикрывая глаза и стараясь поудобнее устроиться в кресле. — Будто мало идей приходит тебе в голову самой!

11

Директор Мартини снял телефонную трубку и вытер со лба пот ладонью, еще более мокрой, чем лоб. Едва разбирая написанное, он вновь просмотрел короткие записи, которые он, сокращая слова, лихорадочно делал во время продолжавшегося всего несколько минут разговора. «Куда делся мой ясный, такой благородный и красивый, можно даже сказать — торжественный почерк?» — с горечью спросил он себя, глядя на эти пляшущие каракули. Да если бы дело было лишь в испортившемся почерке! С того дня, как вдруг началась вся эта проклятая кутерьма, он ничего не мог делать, у него все валялось из рук. Он стал нервным, рассеянным, раздражительным даже с женой. Просто какое-то наваждение, но, слава богу, кажется, появилась надежда, что скоро все это наконец кончится!

Он набрал номер полицейского управления, держа в свободной руке листок со своими заметками. Дежурный на коммутаторе ответил, что комиссар Да Валле разговаривает по другому телефону. Будет ли он ждать, пока тот кончит или перезвонит?

— Я подожду, — пробормотал директор, набираясь терпения.

В эту минуту, легонько постучав в дверь, в кабинет заглянула секретарша, синьорина Монти.

— Господин директор, там к вам...

— Я не желаю, чтобы меня беспокоили! Не смейте сюда входить, оставьте все меня в покое! — заорал профессор Мартини, размахивая телефонной трубкой. В то время как секретарша, обиженная и возмущенная, ретировалась из кабинета, голос в трубке произнес:

— Алло!

— Комиссар Да Валле?

— Слушаю вас, кто говорит?

— Это профессор Мартини.

— А, профес...

— Комиссар, мне опять только что звонили эти типы, они продиктовали указания относительно передачи выкупа.

— Слушаю, — сказал комиссар, молниеносно придвигая к себе блокнот и хватая ручку.

— Так вот. Завтра в полночь пакет с деньгами должен быть положен на парапет моста Святого Ангела. Кроме того, пакет следует обернуть в двойной слой непромокаемой ткани и обвязать веревкой с петлей — такой, чтоб можно было поддеть на крюк.

— Понятно.

— Вот и все, комиссар. А еще они приказали передать вам, что если полиция попыбует помешать им получить деньги, то они обязательно убьют этого несчастного старика. Больше ничего.

— Хорошо, значит, завтра в полночь?

— Вот именно.

— Благодарю вас, господин директор. Будем надеяться, что ваше участие в деле на этом закончится.

— Дай-то бог! — воскликнул Мартини, подняв глаза к потолку. Тут он увидел, что потолок в углу протекает, образовав большое серое пятно. Раньше он никогда его почему-то не замечал и решил немедленно сказать секретарше, чтобы она приняла меры...

— Ну что ж, теперь надо сразу же сообщить все заинтересованному лицу, — сказал комиссар, ища на столе записную книжку.

Старшина Калабро, сидящий по другую сторону стола, сразу понял, в чем дело, и вытянул шею, пытаясь прочесть то, что записал комиссар.

Адвоката Алесси в конторе не было, но он ответил по другому номеру — тому, что секретарша дала комиссару как раз для таких срочных случаев. Он молча выслушал перечень требований и в заключение — предупреждение не пытаться помешать уплате выкупа.

— Что вы об этом думаете, комиссар? — спросил наконец Алесси после довольно продолжительной паузы, потребовавшейся ему, чтобы обдумать услышанное.

— Я думаю, что пакет с деньгами должен совершить прыжок в Тибр. Только не понимаю зачем: если они таким образом намереваются обезопасить себя от возможной

слежки, то этим ничего не достигнуто. В самом деле, ведь кто-то должен пройти по мосту и столкнуть пакет в воду, и этого человека мы сможем выследить. Не говоря уже о том, что можем держать в реке полдюжины водолазов, чтобы...

— А я не понимаю вот чего: как они рассчитывают выловить из воды сравнительно небольшой пакет в полной темноте? Течение довольно сильное, на реке есть водовороты. Днем это было бы нетрудно, но ночью, по-моему, вряд ли возможно.

— Ну, может быть, это только трюк, чтобы сбить нас с толку. Возможно, к парапету моста просто кто-то подойдет, схватит пакет и удерет на машине. Или же они растянут сеть на поверхности реки, в сотне метров ниже моста.

— Не исключено.

— Так вот. Я все же хотел бы знать, как нам следует себя вести. Начальник полиции советовал мне действовать в соответствии с пожеланиями родственников похищенного. Кроме того, нельзя забывать об угрозе, весьма недвусмысленно высказанной похитителями. Мне не хотелось бы, чтобы они, заметив, что за ними следят, действительно решили бы ликвидировать старика.

— Именно этого опасаясь и я. Поэтому, комиссар, я просил бы, чтобы ваши люди пока не занимались этим делом. Деньги уже переведены в Римский банк. Вы должны лишь позаботиться о том, чтобы получить их и отнести в условленное место. Я мог бы сделать это и сам, но мне не хотелось бы, чтобы...

— Не беспокойтесь. Поскольку в Италии у похищенного нет родственников, мы сами сделаем все необходимое. Естественно, мне нужно разрешение начальства на то, чтобы получить эту сумму из банка, но, думаю, тут не будет никаких трудностей.

— Вроде дело к концу, — заметил старшина Калабро, как только комиссар повесил трубку.

— Пожалуй, да. Ты понял, что сказал адвокат насчет наблюдения во время передачи выкупа?

— Да. И что же мы будем делать?

— Тихо и незаметно возьмем под контроль весь этот район. Достаточно, например, нам засесть в замке Святого Ангела. По счастью, мост закрыт для движения транспорта: в полночь на нем практически не будет ни души.

Старшина почесал усы — явный признак того, что он в чем-то сомневается.

— В чем дело? — спросил комиссар, который хорошо знал своего помощника. Тот скривил губы.

— Да я сам толком не знаю. Только, конечно, выбрать такое место, какое выбрали они... Такое открытое, которое так легко просматривается...

Примерно такие же сомнения одолевали и самого комиссара. За ужином, жуя жесткое и пережаренное мясо, он сообщил новость жене и дочери.

— Будем надеяться, что все кончится благополучно и они отпустят этого несчастного старика, — со вздохом сказала синьора Да Валле. — Чего ему, бедняге, наверно, только не пришлось натерпеться!

— Ну, уж не знаю, что там перенес этот старик, но уверен, что сегодня он поужинал получше моего.

— Виноват твой сын: он свалился со стула, когда я жарила мясо. Так что сердись на него.

— Ну, что ты можешь сказать в свое оправдание? строгим голосом спросил комиссар, приблизив лицо почти вплотную к личику маленького Джорджо и смотря ему прямо в глаза.

Но тот, наигравшись за день и осоловев от сытного ужина, да еще и не совсем придя в себя после падения, в ответ лишь тоненько икнул.

— По-моему, он принимает тебя не слишком-то всерьез, — заметила со смехом синьора Да Валле.

Россаи́на тоже засмеялась, но ее смех был слегка деланным. Хорошенькое время и место выбрали эти бандиты, чтобы получить денежки. Весь ее план проследить за операцией на мопедах летел к чертям. Она еще немного посидела за столом после того, как мать подала фрукты, а потом бросилась звонить Руджеро.

— Назначено на завтра, в полночь, — сообщила она без всякого предисловия, и, хотя Руджеро тоже ужинал и ее звонок застал его врасплох, мальчик сразу понял, о чем идет речь.

— Черт возьми, так поздно!

— Я не смогу прийти, тут не о чем и говорить. А вы?

— Со мной-то все в порядке — ведь завтра суббота. А по субботам я частенько прихожу домой поздно. Тем более завтра я приглашен на день рождения к Николетте — моей однокласснице. Лучше предлога и не придумаешь. А вот Микеле наверняка не сможет.

— А Фабрицио?

— Ну, у него с родителями в этом смысле никаких проблем!

— Везет же некоторым,— вздохнула Россана, и в ответ в трубке раздался другой тяжелый вздох.

— Кому ты это говоришь!

— Ну ладно, не будем об этом. Значит, до завтра. Утром обо всем договоримся.

— О'кэй!

12

За пять минут до полуночи все было готово. По правде говоря, все можно было подготовить и значительно раньше, но начальник полиции Рима, который решил лично возглавить операцию, рассудил так: надо помешать тому, чтобы пакет мог быть замечен каким-нибудь случайным прохожим. Ведь тот может сделать все, что угодно: взять пакет, раскрыть его, унести, даже бросить в реку. Нельзя же с обоих концов моста поставить полицейских и предупреждать прохожих, чтобы они не трогали пакета!

«Единственное, что остается, это положить пакет с деньгами в последнюю минуту и надеяться, что эти мерзавцы будут пунктуальны»,— решил в конце концов начальник полиции, и его подчиненные полностью это одобрили. Сейчас ведь «главный штаб» столпился на одной из террас замка Святого Ангела, вооруженный биноклями и радиопередатчиками. Вокруг района операции стояли с включенными моторами пять машин наблюдения, готовые тотчас пуститься вслед за автомобилем похитителей. Под мостом, замаскировавшись в прибрежных кустах, двое водолазов из корпуса карабинеров были наготове броситься за пакетом, который, как предполагал начальник полиции, наверняка кинут в реку.

Руджеро и Фабрицио никак не предвидели, что дело примет такой оборот. Как им следить за местом, которое уже находится под таким усиленным контролем? Они предполагали, что все будет происходить посреди людной площади, откуда будет нетрудно, сливаясь с потоком уличного движения, пуститься вслед за машиной похитителей, оставаясь незамеченными ни ими, ни полицией, которая наверняка, в свою очередь, будет стараться выследить бандитов. Но сейчас, замерзшие до смерти, не имея возможности приблизиться к мосту и боясь, что в каждом грузовичке, в каждом невинном на вид автомобиле скрываются

полицейские или, еще хуже, сами похитители, они не могли и надеяться выследить тех, кто явится за выкупом. На таких пустынных улицах нужны мощные мотоциклы, а не их дурацкие мопеды.

— Дело кончится тем, что в нас опять начнут палить из пистолетов,— заметил Руджеро, потирая руки, чтобы согреться.

— Теперь уж никуда не денешься, старик. Не собираешься же ты сбежать? — ответил Фабрицио, и оба они подумали одно и то же: «А что в таком случае мы скажем Россане?»

Человек в зеркальных очках поглядел на светящийся циферблат своих часов — три минуты первого.

— Они опаздывают,— заметил его товарищ, сидящий за рулем. Машина была марки «феррари» модель «Дайтона».

— Вот увидишь, все будут точны.

— А что, если они появятся с другой стороны? — спросил человек за рулем после короткой паузы. — Тогда нам никак не успеть доехать до следующего моста и развернуться.

— На той стороне их тоже ждет кто надо. А теперь заткнись.

— Эй, гляди-ка!

Из бронированного автофургона несколько человек в форме вытащили сверток — не очень большой, но, видимо, тяжелый.

— Это они.

Человек в зеркальных очках, не отрывая глаз от полицейских, протянул руку назад и вытащил из-за спинки сиденья оружие странного вида — нечто вроде автомата с очень толстым стволом. Водитель взглянул на эту штуку с большим почтением. Он слышал об этих особых ружьях, из которых можно всадить здоровенную пулю с находящимся внутри ее радиопередающим устройством, причем при попадении в цель от удара не пострадает ни единая микросхема. Он знал также, что капсула приклеивается к кузову автомобиля благодаря какому-то очень твердому составу, который, однако, при соприкосновении с воздухом нагревается и делается таким вязким, что отодрать капсулу можно только при помощи ножовки.

— Неплохая машинка. Наверно, стоит целое состояние.

Человек в зеркальных очках ему не ответил, не удостоил

взглядом, вообще перестал обращать на него всякое внимание. Этот бесцветный парень действовал ему на нервы. Не будь он потрясающим шофером, как раз таким, какой нужен, чтобы справиться с подобным делом, давно бы уже выгнал его ко всем чертям.

— Вот они уезжают,— пробормотал он, обращаясь к себе самому, чем к товарищу.

Он знал, что в этот момент на другом берегу реки похитители поджидают на «Кавасаки-900» двое других людей, один за рулем, второй с таким же, как у него, ружьем в руках. Но он надеялся, что бандиты направятся в его сторону. Он был уверен, что уж он-то не промажет (промахнуться нельзя было хотя бы потому, что пуля была единственная!), а кроме того, ему хотелось рассчитаться с ними самому.

— Теперь внимание,— предупредил по радио начальник полиции из какого-то укромного, темного уголка замка Святого Ангела...

«Сейчас начнется»,— почти одновременно подумали Руджеро и Фабрицио, сидя верхом на своих мопедах, и у них по спине пробежал холодок — не только от ночной прохлады...

— Включи мотор,— сухо приказал человек в зеркальных очках...

Двенадцать цилиндров забормотали враз все вместе — огромный добродушный лев, который сейчас тихо мурлычет, но глотка его способна издавать и ужасное, оглушительное рычание.

В ночь часов пять минут еще ничего не произошло.

— Ах, чтоб вы все сдохли! — то и дело бормотал себе под нос на римском диалекте один из двух водолазов, мокнувших в воде уже почти целый час.

Его товарищ, худощавый и светловолосый венецианец, который терпеть не мог римского диалекта, хотел было уже позвать его подальше, как вдруг что-то заметил.

Небо было совершенно чистое — ветер разогнал все облака. Вдруг меж бледно-голубых звезд мелькнули, как молния, огоньки какого-то другого цвета. Они все приближались. Так прошло несколько секунд, потом водолаз неожиданно понял, что это такое: совершенно случайно именно он, погруженный по пояс в воду, заметил и понял то, чего никто другой не заметил и не понял.

— Вертолет! — во все горло закричал он, указывая рукой на уже совсем теперь близкие огни.

Люди на берегу, где им не мешал громкий плеск течения, наверно, уже услышали и шум мотора.

— Проклятие, вертолет! — прорычал начальник полиции со своего наблюдательного поста.

Вертолет уже перпендикулярно опускался на мост, и, немного приглядевшись, можно было различить темный силуэт человека, болтавшегося в двух-трех метрах под кабиной.

Комиссар Да Валле первым пришел в себя от удивления. Он приказал радисту соединиться с оперативным центром карабинеров и с финансовой гвардией¹. Сам же он не отрывал взгляда от разворачивающейся перед ним сцены. Человек, свешивающийся с веревочной лесенки, поддел сверток крюком и прикрепил его к лесенке, а затем подал знак пилоту, держащему вертолет на высоте всего нескольких метров над мостом.

В то же мгновение человек в зеркальных очках последним отчаянным прыжком достиг парапета набережной. Он опустил ствол ружья на каменный барьер и тщательно прицелился, стремясь не угодить в кабину пилота, так как плексиглас наверняка бы разлетелся от удара пули.

— Глядите, этот человек выстрелил, — сказал агент Стефано Тальябуэ, следящий за происходящим из кабины голубого пикапа «фиат» с надписью «Стелла» — «Промышленные холодильники».

А сержант Педрин, командующий отрядом, увидел с крыши, где он сидел в засаде, высокого мужчину в очках, который бежал во весь дух к автомобилю «феррари», стоящему с распахнутой дверцей.

— Предупредить отряды номер два и номер три! — приказал он своим тонким, истерическим голосом. При этом он подумал, что отряды номер два и номер три, то есть две машины «альфетта» карабинеров, черта с два угонятся за таким мощным автомобилем, как этот «феррари».

— Давай жми в сторону моря! — крикнул человек в зеркальных очках, доставая из ящичка на приборной доске какой-то квадратный аппаратик.

Мигающий красный свет в прорези аппарата успокоил его — он с удовольствием отметил, что несколько минут

¹ Корпус карабинеров — жандармерия, военная полиция. Финансовая гвардия — разновидность полиции с функциями пограничной, таможенной службы, в ведение которой входит также взимание налогов, борьба с контрабандой и т. д.

назад не промахнулся. Конечно, следовать за вертолетом очень трудно, однако, если он полетит по прямой и не слишком удалится, радиопередатчик сможет сигнализировать о его местонахождении. Те же проблемы волновали и двоих на мотоцикле «кавасаки», выскочивших на скорости в восемьдесят километров с моста Принчипе Амедео на набережную Джаниколензе, в том месте, где только что пронеслась машина «феррари», дающая сто шестьдесят километров в час. Они пригнулись так низко, что чуть не касались асфальта. Отряд номер два, только что вызванный агентом Тальябуэ, видя, что они несутся прямо на его машину, был вынужден затормозить.

— Проклятые идиоты! — выругался старшина Бранда, командир отряда; ему даже не пришла в голову мысль, что двое сумасшедших мотоциклистов могут иметь какое-то отношение к вертолету или к автомобилю «феррари», который ему приказали задержать.

Начальник полиции первым показался из ворот Башни Адриана¹, выкатившись, как шарик, на своих коротких ножках. Прежде чем сесть в ожидавшую его машину, синюю «1750», он резко повернулся, оказавшись лицом к лицу с подоспевшими следом подчиненными — всем своим «главным штабом».

— Вертолет — это вам не автомобиль. К двенадцати часам завтрашнего дня я хочу знать, кому он принадлежит и кто в нем находится. Понятно?

— Так точно, — отозвалось пять или шесть голосов.

Когда все уже кончилось и редкие прохожие, привлеченные необычным в этот час оживлением на улице, начали расходиться по домам, у въезда на мост Святого Ангела, со стороны замка, встретились двое на мопедах.

— Конец фильма, — прокомментировал еще бледный от волнения Фабрицио, но Руджеро отрицательно покачал головой.

— А я думаю, что нет! У меня перед самым носом остановилась машина марки «феррари», из нее выскочил мужчина и выстрелил из ружья в вертолет. Потом автомобиль газанул и умчался. И знаешь, кто был этот человек?

— Нет.

Тогда Руджеро рассказал другу, кого он узнал в стрелявшем.

¹ Другое название римского замка Святого Ангела.

Россана увидела их, когда уже решила больше не ждать и собиралась войти в помещение школы. Они бежали дышящей и тяжело дышали. Уже дважды сторож Джанфранко, как обычно, наблюдавший, пока все ребята не войдут в школу, просил ее поторопиться. Тем более что в это время обычно приходит директор, а он не любит, когда опаздывают.

Впрочем, уговаривал Джанфранко не слишком настойчиво. Он был простужен, и, судя по всему, у него был сильный жар. Россана, хорошо знавшая его привычку не отлынивать от работы, даже удивилась, что он не остался дома и не улегся в постель. Да и день был бурный, и в довершение к простуде можно было подхватить еще и воспаление легких.

— Долг превыше всего, моя милая,— добродушно усмехаясь, пошутил сторож.

В эту-то минуту и показались Микеле с Фабрицио. — А где же Руджеро? — сразу выпалила Россана, не дожидаясь, пока они поднимутся по лестнице.

— У него тридцать девять и пять,— лаконично ответил Фабрицио, сопровождая сообщение трагическим жестом.

Оглушительное чихание Джанфранко заставило обернуться всех троих.

— Будьте здоровы!

— Здоровье из меня уходит.

Смеясь, они начали подниматься по лестнице, но время было в обрез, и Россана сгорала от любопытства.

— Ну говори же! — накинулась она на Фабрицио, который вынул платок и не спеша вытирал нос. — Хорошая была ночка? Трамонтана¹ вас здорово прохватила?

— Ничего себе. Единственное, что нам удалось поймать, это насморк. А Руджеро повезло еще больше — у него к тому же сильный жар.

— Ну а кроме этого?

В нескольких словах Фабрицио рассказал Россане и Микеле о случившемся ночью. И хоть лестница была слишком длинной, он успел поведать обо всем, начиная с засады и кончая вертолетом.

— Ну а ты что узнала? Что сказал тебе отец?

¹ Холодный северный и северо-восточный ветер.

Россана пожала плечами. Она была чуть-чуть раздосадована тем, что ей придется разочаровать друзей.

— Да разве его увидишь? Когда он вернулся этой ночью, я уже спала. Я хотела его дожидаться, но в час уснула как убитая. Ничего не поделаешь.

— А утром?

— То же самое. Когда я проснулась, его уже не было.

— Черт возьми!

— Да, вот что. Кажется, в Фьюмичино была сильная перестрелка. Возможно, двое убито.

— Ай-яй! — заметил Микеле, притворно передернувшись от ужаса. — С недавних пор в этих краях выпадает больше свинца, чем дождей.

— Эту фразу ты взял из журнала «Криминаль», — поддразнил его Фабрицио, но сообщение произвело на него впечатление.

— Однако в газетах об этом ни слова, — возразил он, кусая губы. Он успел, по обыкновению, просмотреть первые полосы газет, проходя мимо газетного киоска.

— Это произошло, наверно, где-то около шести утра. Поэтому газеты еще не успели дать сообщение, но мама сказала, что стычка, видимо, была серьезная.

— Ну, здесь наши пути расходятся! — провозгласил Фабрицио, останавливаясь у поворота коридора. — Встретимся на перемене?

— Конечно. Пока!

Утро в общем прошло терпимо. Молодая и симпатичная учительница литературы синьорина Д'Амико любила посмеяться и никогда не сердилась. Она не произносила буквы «р» и, кроме того, имела привычку начинать каждую фразу с «Я считаю», что неизменно вызывало веселый смех в классе. Например, она говорила: «Я считаю, что сегодня, вместо того чтобы излагать новый материал, было бы лучше устроить небольшой опрос».

Эта привычка учительницы вызвала в то утро очередное столкновение с Паоло Костантини, здорово насмешившее ребят. Когда этот парень ссорился с матерью или младшей сестрой или же у него крали его велосипед (а это случалось в среднем раз в полгода), он впадал в мрачное расположение духа и к нему нельзя было подступиться. На все вопросы он отвечал тогда грубой бранью. Вообще же Паоло был парень веселый, с юмором, и острел направо, не боясь, что ему влетит за острый язык. За три года учебы вместе с ним в школе Россана

подсчитала, что учителя раз пятнадцать писали на него докладные директору, а из класса его выгоняли так часто, что все давно сбились со счета.

— Сегодня, я считаю, очеве^дь отвечать... сейчас посмот^вим... да, сегодня очеве^дь именно Костантини,— наконец выбрала жертву Д'Амико, поднимая глаза от классного журнала.

Вызванный (все взоры были устремлены на него) потер рукой бороду, скорее воображаемую, чем действительно существующую, делая вид, что усиленно размышляет.

— А я считаю, что нет,— ответил он с самым серьезным выражением лица, вызвав взрыв смеха, застигнувший учительницу врасплох.

Но Джованнела Д'Амико была не такой человек, чтобы сразу сдаваться.

— А я считаю, что ты, если не выйдешь отвечать, получишь вевную твоюку¹.

— Я считаю, что получу ее и так и так,— печально согласился с ней Паоло Костантини, выходя к доске.

И началось целое представление: учительница была готова снисходительно закрыть глаза на пробелы в знаниях Паоло Костантини, а тот решил как следует позабавить одноклассников, не заботясь, чем это может кончиться. Правда, больше всего пострадала от этого греческая история.

— Ты помнишь, в каком году произошло это сважение? — спросила учительница, когда Паоло упомянул о битве при Марафоне.

Пять, шесть, десять секунд молчания лишь подавленные смешки то на одной, то на другой парте. Наконец Паоло решился и брякнул наугад:

В четыреста восьмидесятом году до нашей эры.

— Нет, в четывеста девяностом,— невозмутимо поправила его учительница.

Паоло опять задумался.

— Нет, а я считаю, что она была в четыреста восьмидесятом,— упрямо возразил он, вызвав новый взрыв смеха в классе.

Но опрос уже подходил к концу, и оценка была не

¹ В итальянской школе принята двенадцатибалльная шкала оценок. Тройка — одна из худших отметок.

из лучших — пять. Паоло Костантини вернулся на свое место, что-то недовольно бурча себе под нос.

— Ты еще и недоволен? — поинтересовалась синьорина Д'Амико, не скрывая улыбки. Этот задиристый паренек внушал ей симпатию.

— Я-то думал, вы лучше относитесь к таким, как я.

— К таким, как ты? Не понимаю, о чем ты говоришь.

— К тем, у кого в фамилии нет буквы «р», — мгновенно нашелся Паоло.

На этот раз расхохотался и он сам, и учительница. На такие шутки она никогда не обижалась и ограничилась лишь тем, что добродушно постучала рукой по столу, призывая к порядку:

— Вебята, вебята...

Следующим был урок математики. Преподаватель, высохший, желтолицый старичок, минут через десять после начала урока вдруг почувствовал себя плохо. Некоторое время он крепился, но потом не выдержал: попросив школьного сторожа предупредить директора, он еле слышно попрощался с ребятами и ушел домой. Через несколько минут сторож вернулся и объявил, что все могут быть свободны. Очевидно, старый добрый директор Мартини решил, что раз до конца занятий меньше часа, то уж не стоит заменять заболевшего учителя.

— Ты что будешь делать? — спросил кто-то из стайки девочек у складывавшей книжки Россаны.

— А что?

— Пойдешь с нами в центр?

— Мне что-то не хочется, да и, наверно, скоро начнет-ся дождь.

— Тогда чао!

Она попрощалась с ними и напрямик направилась в полицейское управление. Эти свалившиеся с неба сорок пять минут были идеальным предлогом, чтобы зайти к отцу и разузнать новости. Может, получив выкуп, похитители отпустят старого Пьеро. Наверно, он в неважной форме после стольких дней неволи, да еще без своей любимой трубочки — в день похищения она, только что зажженная, так и осталась валяться на панели возле его лотка.

Главное, жив ли он. В одной утренней газете высказывалось предположение, что бродячий торговец уже ликвидирован в соответствии с новой техникой похищений: похищенного убивают, чтобы тот не передал следствию никаких сведений о своих похитителях. Ведь, живя бок

о бок с похищенным в течение многих дней, недель, а то и месяцев, похитителям трудно ничем себя не выдать.

Дикция, голос, походка — это все опасные улики, которыми располагает похищенный, вернувшийся на свободу. Не говоря уже о том, что он может узнать место, где его прятали. Но о возможной гибели дядюшки Пьеро Россана не хотела даже думать. Она просто не допускала такой мысли. Пусть они не знают, где он, но Пьеро, несомненно, жив, он обязательно должен быть жив, и не пройдет и нескольких часов, как его отпустят, — вот единственное, во что ей хотелось верить.

— А, Комиссарочка! Какие будут приказания? — услышала она вдруг голос шутливо преградившего ей путь старшины Калабро.

Россана поднималась по пологим ступеням лестницы, ведущей на этаж, где находился кабинет отца, и не заметила его.

— Вольно, старшина, — ответила она.

— Идешь к папе?

— Да, если только он у себя и если только не занят.

— У себя, у себя. Правда, все равно что его нет.

— То есть как это?

Старшина понизил голос: как-никак комиссар Да Валле — его непосредственный начальник, а смеяться над старшими по чину не положено.

— Да он, бедняга, на ногах не держится. После такой ночи ему бы сегодня поспать до полудня.

— А что еще у вас стряслось? — спросила, сгорая от любопытства, Россана.

В самом деле, лучше воспользоваться случаем и расспросить старину Калабро, благо он сейчас в хорошем настроении, чем папашу Да Валле, невыспавшегося, усталого и способного завестись с пол-оборота.

— Наверно, это была стычка между двумя бандами. Но на этот раз они схватились всерьез. Трое убитых и наверняка есть раненые, хотя, когда мы приехали, уже никого не нашли.

Россана, не удержавшись, присвистнула, и молоденький полицейский, проходивший мимо со стопкой папок под мышкой, улыбнулся.

— Серьезное дело, Комиссарочка. Одного из убитых мы хорошо знали: это известный в Риме уголовник, о котором года два-три не было ни слуха ни духа. Двое других — французы, а точнее — марсельцы.

— Контрабандисты?

— Возможно, возможно. Мы нашли их у речного порта Фьюмичино. Одно можно сказать: оба они приехали в Италию без паспорта и без въездной визы!

— Значит, нелегально?

— Да. Однако хватит болтать, надо идти, не то мне останется на орехи от твоего папаша.

— До свидания, — попрощалась с ним Россана и стала подниматься выше, а старшина, козырнув, поспешно закрутил рысцой в другую сторону.

В коридорах полицейского управления, как всегда, былолюдно. Проходя мимо зала для представителей печати, Россана увидела одного из заместителей начальника полиции, вокруг которого толпились и галдели репортеры. Вероятно, разговор шел о перестрелке в Фьюмичино — новом событии, отодвинувшем на второй план похищение старика Пьеро, которое в первые дни так волновало газеты.

— Можно? — спросила она, осторожно заглядывая в полуоткрытую дверь кабинета.

Комиссар Да Валле говорил по телефону. Он поднял глаза и поглядел на дочь, будто не узнавая, и вновь уперся взглядом в свой стол, нервно постукивая по нему карандашом. «Ну и дела!» — входя в комнату, подумала Россана, заранее смирясь с тем, что ей вряд ли удастся что-нибудь разузнать. Отец, видно, в таком настроении, что к нему не подступишься. Если он не велит ей сейчас же убираться домой, то вообще можно считать, что ей крупно повезло. Но едва она опустилась на стул, по первым же словам отца поняла, с кем он говорит по телефону: на том конце провода был директор Мартини.

— Повторяю вам, будьте спокойны... Во всяком случае... да-да, прекрасно понимаю... да, конечно, но повторяю: мы, как всегда, сами примем все необходимые меры...

Несколько секунд он помолчал, но раздраженное выражение не сходило с его лица.

— Господин директор, — вновь заговорил отец, — полиция ведь не виновата, что эти люди выбрали вас в качестве посредника. Бесполезно обвинять нас, словно мы... Что, как вы говорите? Ну это я вам не могу сказать, но обещаю... Да-да, обязательно. До свидания!

Он поглядел на Россану, будто только сейчас увидел, потом, сделав над собой усилие, улыбнулся. Эта добрая

улыбка разгладила на его лице морщины — следы усталости.

— Привет, доченька.

— Здравствуй, родитель. Какие новости?

— Вот только что звонил твой неугомонный директор. Между прочим, он порядочный зануда. Только ты, пожалуйста, ему этого не передавай.

— Я тоже считаю, и тоже между прочим, что он зануда, однако, надеюсь, это останется между нами.

Оба одновременно рассмеялись.

— Похитители требуют еще полмиллиона долларов, причем наличными и немедленно, иначе они не отдадут старика. И на сей раз настаивают, чтобы деньги передал лично адвокат Алесси. Кстати, позвоним и скажем ему об этом.

Ошарашенная новостью Россана смотрела, как отец набирает номер, и думала о том, что же будет после этого нового требования. До сих пор похитители вели себя как опытные профессионалы, взять хотя бы выдумку с вертолетом. Но что касается суммы выкупа — их поведение поистине необъяснимо: сначала полмиллиона, потом миллион, теперь еще полмиллиона. В чем дело?

— Его нет, — сказал комиссар, вешая трубку.

— Папа, ты думаешь, он заплатит?

— Кто, американский братец? Ну, кто теперь может гарантировать, что за вторым требованием не последует третье и так далее? Он ведь может сказать «хватит», понимаешь?

— И что же тогда?

На лице у комиссара отобразилось нетерпение, и он вновь забарабанил пальцами по столу.

— А я откуда знаю? Они могут отпустить старика, могут снизить сумму выкупа, или продолжать настаивать, или вообще совсем замолчать, а могут и убить его... Кто знает?

Вновь опасность, что старому Пьеро грозит гибель! Россана нахмурилась: ее душила бессильная ярость, захотелось что-то разбить, сломать. Вот они все тут, глядите: американский братец, его сыщик, его адвокат, директор школы, полиция, сама она, Фабрицио, Руджеро и множество других — целая компания беспомощных идиотов, — они не способны разыскать старика, ни на что не годны, кроме как ждать, терпеть вымогательство, выбрасывать на ветер миллионы...

Она так погрузилась в свои печальные мысли, что не сразу поняла, что за странные звуки доносятся до нее с другой стороны стола. Удивленно подняв глаза, Россана увидела, что отец смеется; ей пришлось подождать, пока пройдет этот приступ веселья.

— С чего это ты? — спросила она сквозь зубы.

— Да я вспомнил об этом бедняге твоём директоре, — выдыхаясь от смеха, проговорил комиссар, и Россана непольно улыбнулась: действительно, в Орадио Мартини, таком важном, величественном и так сильно напуганном, было что-то комическое.

— Он жалуется, — продолжал комиссар, вытирая выступившие слезы, — что они каждый раз звонят ему, как только у него выдается редкая спокойная минутка. Понимаете, комиссар, не тогда, когда у меня в кабинете толнится народ или когда я хожу по школе. Нет, какое там! Впервые они позвонили мне домой, как раз когда я сиделся ужинать — это у меня единственная спокойная минута за весь день. А потом стали звонить сюда, в школу, и всякий раз когда хоть изредка удастся побыть в одиночестве, чтобы обдумать тысячу заботящих меня дел». И знаешь, все это таким жалобным голосом, так смиренно...

Заглянувшему в кабинет дежурному представилась необычная картина: комиссар и его дочь дружно хохотали, чуть не валясь от смеха на стол.

14

Не переставая терзать то немногое, что еще осталось от его обкусанных ногтей, Микеле вновь перечитал короткое письмо, которое держал в руках. Приятный, очень разборчивый почерк. Жаль только, что содержание письма не было таким же ясным. Он не знал, что и думать об этом письме, а ему хотелось составить определенное, четкое мнение перед разговором с Россаной.

Микеле боялся ударить в грязь лицом перед этой девочкой, более того, он стал даже опасаться, уж не втюрился ли он в нее, и жалел, что не смог с самого начала участвовать вместе с нею в расследовании. И вот теперь это письмо, тончайшая папиросная бумага для авиапочты — она у него в руках, это его козырь. Он вновь перечел письмо. Оно было написано в серьезном и ласковом

тоне. Тетя Мария сообщала, что в Бостоне в телефонном справочнике не значится никакого Джардины, нет в городе и никакой торговой фирмы или компании, которая бы носила это имя. Для очистки совести она даже позвонила в итальянское консульство — там действительно знают одно семейство Джардина, приехавшее с Сицилии приблизительно в 1955 году. Этим эмигрантам, как видно, не повезло в Америке. Живут они в бедном квартале, у них даже нет телефона. «Куда уж им заплатить такой выкуп!» — подумал Микеле, вертя в руках письмо. Это, конечно, были не те, кого они искали. Несколько секунд он продолжал грызть свои ногти, потом стал набирать номер Россаны.

Тебя какой-то Микеле, — позвала синьора Да Валле, протягивая трубку.

Россана, ползавшая по ковру в гостиной с маленьким Джорджо на спине, сделала вид, что встает на дыбы, и заржала. Ребенок, свалившись с «лошадки», заливаясь смехом, упал на ковер, но, увидев, что Россана вышла в коридор, начал хныкать, не обращая внимания на мать, которая звала его к себе на диван.

— Привет, симулянт! — весело поздоровалась Россана. Она думала, что Микеле звонит ей без дела, но с первых же его слов вся обратилась в слух. — Ну-ка прочитай мне это письмо! — громко приказала она, и ее мать, уже принявшаяся за штопку носков, только покачала головой.

Один бог знает, что вытворяет в последние дни эта девчонка. Может, лучше и не знать этого — так, по крайней мере, спокойнее жить.

— Черт возьми! — только и сказала Россана, когда Микеле кончил читать письмо.

— По-моему, это доказывает, что брат дядюшки Пьеро в самом деле какой-то темный тип, которому есть что скрывать. Подумай сама, его никто не знает, фамилии его нет даже в телефонной книге... Ясное дело, это наверняка подозрительная личность... Ты согласна? — закончил Микеле, сбитый с толку долгим молчанием Россаны.

— Что ты сказал?

— Да нет, я не знаю... Но если о нем никто не слышал даже в итальянском консульстве, значит, он... Разве не так?

— Нет, — сухо сказала Россана, удивляясь про себя, как это малыш Микеле так долго ходит вокруг да около и все еще ничего не понял. — Нет, дело обстоит совсем

не так: брат дядюшки Пьеро вовсе не гангстер, как вы думали. Он никто.

— Никто?

— Ну да, никто. Его просто не существует и никогда не существовало, его выдумали, а мы, как идиоты, все этому поверили.

Микеле сглотнул слюну и, вместо того чтобы спросить, как, когда, где, почему, опять будто что-то проглотил. Мысль о том, что это действительно именно так, его просто убивала. Ну как же он мог до этого не додуматься сам?

— Микеле!

— А?

— Ты не знаешь, где сейчас Фабрицио и Руджеро?

— Наверно... наверно, дома. Они сегодня собирались вместе делать уроки.

— Микеле!

— Что?

— У кого из них?

— Ах да, извини, ты совершенно права. Кажется... у Руджеро.

Россана все еще продолжала смеяться, когда Руджеро снял трубку. Голос у него был скучный, усталый, раздраженный: не иначе как Руджеро и в самом деле занимался.

— Это я, Россана.

— Привет, красавица! — сразу оживился мальчик, и тут ему преподали урок краткости и точности: Россана уложила в двадцать секунд, сумев все рассказать без единственного лишнего слова.

Последовала короткая пауза — время, необходимое, чтобы переварить такое потрясающее известие.

— Ну что ты на это скажешь? — спросила наконец Россана, но вместо ответа услышала голос Фабрицио, который, подойдя к Руджеро, без конца его спрашивал: «В чем дело? В чем дело? Что случилось?»

Затем до нее донесся их громкий разговор, удивленные возгласы, кто-то из них даже присвистнул. Наконец Россана решила, что пора переходить к делу.

— Руджеро, ты должен позвонить адвокату Алесси и попросить его принять нас. Ведь он сам сказал, что в случае необходимости...

— По правде говоря, он велел обращаться к этому очкастому... к детективу.

— Да, я знаю. Но ты все-таки позвони ему самому: нам надо поговорить с ним, а не с сыщиком.

— Ну, вообще-то я не прочь был бы побеседовать с этим детективом, спросить у него, почему он сказал нам, что его послал сюда, в Италию, человек, которого, оказывается, не существует в природе!

— Перестань! Он всего лишь сыщик, работает за деньги, а командует парадом не он. Ну как, ты сделаешь то, что я тебе говорю?

— Так точно, госпожа начальница!

Не замечая, что дочь сидит как на иголках, ожидая звонка Руджеро, и то и дело вскакивает с дивана и начинает ходить по комнате, синьора Да Валле принялась перечислять все мелкие домашние дела, которые ждут их после обеда.

— А ты уже сделала уроки? — спросила она больше для порядка.

— Не до конца.

— И много тебе еще осталось?

— За полчаса я управлюсь. Сейчас мне не хочется заниматься. Вечером еще будет предостаточно времени.

— Прекрасно. В таком случае, пока я не закончу возиться с этими носками, присмотри немножко за братом и напомни мне через четверть часа разбудить папу.

— О'кэй.

— Да, а попозже сходи в универсам. Надо кое-что купить.

Россана кивнула, и тотчас же зазвонил телефон — даже раньше, чем она ожидала.

— Это меня, — крикнула она, мгновенно вскочив.

За ней сразу же бросился следом и маленький Джорджинно, словно заразившись неожиданным волнением сестры. Синьора Да Валле улыбнулась.

— А кто в этом сомневался? Все время звонят тебе одной. В сущности, за телефон должна платить ты. Мы-то телефоном почти не пользуемся.

Она замолчала: дочка уже не слушала ее.

— Ну что?

Новостей было немного, но важные: адвоката Алесси нет в городе. Секретарша не знает точно, когда он вернется, но говорит, что не раньше, чем через два-три дня. Человек же в зеркальных очках находится в гостинице.

— И что он тебе сказал?

— Что ждет нас.

— Ты что — ему рассказал?

— Вот еще! Я только сказал, что речь идет о важном деле.

— Молодчина! Теперь слушай: ты за полчаса доберешься на мопеде до моего дома?

— Наверняка.

— А в какой гостинице живет этот тип?

— В «Плаце».

— Это на Корсо. Значит, четверть часа туда, четверть обратно, минут двадцать там, десять минут на покупки... Ну, думаю, что за час мы управимся.

— Тебе что, не выйти из дома?

— В некотором смысле — да.

— Ладно, в таком случае придется поспешить. Через полчаса буду у тебя.

Россана повесила трубку. Она уже запустила мотор на всю катушку. Что лучше — придумать какой-нибудь предлог или сказать коротко и ясно, что ей понадобится час, чтобы сходить за покупками... и на все остальное?

Все получилось как нельзя лучше. Ровно в четыре комиссар Да Валле вылетел из дома как пуля, надевая пиджак уже в лифте. В четыре ровно синьора Да Валле кончила штопать носки, отложила иголку и нитки и, как всегда, потянулась всем телом, вставая с дивана. Ровно в четыре, словно по волшебству, Джорджино уснул на ковре в гостиной, зажав в правой ручке терку, а в левой — свой пластмассовый стаканчик, с которым никогда не расставался.

— Ну, я пошла, — равнодушным тоном объявила Россана и притворно зевнула.

— Значит, так: купишь хлеба, молока, масла, бананов и баночку майонеза, ту, что побольше.

— Хорошо.

— Ничего не забудешь?

Беря деньги, Россана подумала, что все-таки на всякий случай лучше обезопасить себе тыл.

— Тебе все это скоро понадобится? — спросила она.

Мать уже повернулась к ней спиной, направляясь в ванную.

— Нет, но ты не очень задерживайся.

«Какой-нибудь часок — разве это значит очень задержаться?» — подумала она и с довольной улыбкой выскользнула из квартиры. Внизу, в парадном, старик лифтер Паскуале попытался было затеять с нею разговор, начав

бессвязно рассказывать о каком-то заказном письме, но Россана ловко миновала его, обведя, как нападающий защитника, и одарив при этом лучезарной улыбкой.

— Поговорим, когда буду возвращаться, хорошо?

Паскуале что-то проворчал себе под нос. На улице ее поджидал Руджеро на мопеде. Фабрицио и Микеле тоже были наготове.

15

Человек в зеркальных очках в одну минуту развеял несколько пугающий миф, невольно сложившийся вокруг его личности в представлении этой ребячьей компании. Он появился в одном лишь большом махровом красном полотенце, повязанном вокруг бедер, еще влажный после душа и, разумеется, без очков. Как четверо друзей ни искали в его глазах застывшую молнию жестокости, они ее так и не нашли. Глаза были большие, темные, добрые. В отличие от губ, в них пряталась улыбка. Он плюхнулся на низенький диванчик высотой не более двадцати сантиметров, блаженно улыбнулся, показав белоснежные зубы.

— Слушаю вас, друзья.

— Дело вот в чем, синьор...— начала Россана, но он, не переставая улыбаться, поднял кверху обе руки.

— Зовите меня Сэм.

— Сэм, мы хотели бы видеть адвоката Алесси...

— Он занят, а может, его даже нет в Риме.

— Знаю, нам об этом сказала его секретарша.

Фабрицио обернулся к двери, ведущей в прихожую. Ему послышался какой-то шорох, будто кто-то вошел, стараясь не шуметь. Но поскольку никто, кроме него, ничего не слышал, он решил, что ему показалось. Что же до Россаны, сидевшей прямо напротив сыщика, то уж она-то сейчас не услышала бы даже пистолетного выстрела.

— Послушайте, Сэм, вы знакомы лично с вашим клиентом?

— Конечно, знаком,— ответил молодой человек, несколько не удивившись этому вопросу.— Мистер Джардина один из самых уважаемых людей в Бостоне, у него куча денег, и он на дружеской ноге со всеми важными шишками в городе.

— Вы очень здорово умеете врать, Сэм. Хотела бы и я так научиться: мне бы это весьма пригодилось в школе.

— Почему это ты думаешь, что я вру? — с рассеянным видом поинтересовался Сэм.

Все его внимание теперь было поглощено сигаретой, которую он собирался зажечь. Пытается скрыть волнение или просто ему захотелось покурить? Воспользовавшись затянувшейся паузой, Россана разок-другой проглотила слюну и провела языком по пересохшим губам.

— Никакого мистера Джардины нет, его не существует, — сказала она.

— А ты откуда знаешь? — раздался у них за спиной голос адвоката Алесси. Все, в том числе и Сэм, резко обернулись.

Адвокат прошел на середину комнаты и уселся на диване, отодвинув в сторону край красного полотенца Сэма. Только тогда присутствовавшие заметили, что у него из виска сочится кровь. Не слишком сильно — наверно, просто царапина, возможно, задело какую-то жилку. Он вытер висок платком, уже совсем промокшим от крови, поглядел на сыщика, уставившегося на него, плотно сжав губы, затем перевел взгляд на трех мальчиков, чуть улыбнулся и посмотрел на Россану.

— Ты дочь, достойная своего отца. Как же ты это раскрыла?

Россана, указав на Микеле, рассказала адвокату в нескольких словах о письме, и тот утвердительно затряс головой, словно находя все это вполне логичным.

— Правильно! В общем, разоблачить меня было не так уж трудно: хватило бы маленького расследования. Но я рассчитывал именно на то, что тут никому не придет в голову заниматься расследованиями.

— А нам пришло. От этого вашего таинственного, набитого деньгами брата за версту пахло липой.

— Кому вы это говорите! — воскликнул адвокат.

Во время разговора он пытался остановить капающую из ранки кровь. Затем поглядел на сыщика, и тот сразу перестал улыбаться, курить и потягиваться.

— Это взорвалась бомба, я уцелел благодаря чистой случайности.

— Где? — глухо спросил сыщик. Глаза у него уже не искрились улыбкой, они вновь стали тусклыми и холодными.

— Когда я выходил... Ну, ладно, об этом поговорим после.

— Никого не убило?

— Нет, нет, но сейчас там, наверно, куча народа. Черт бы побрал эти проклятые газеты, из-за них я у всех на виду!

— Да уж...

Адвокат вновь сосредоточил свое внимание на Россане. Вид у него был подавленный, хотя он и старался не показать, что нервничает. Наконец он махнул рукой и сказал:

— Ладно, согласен, никакого американского брата не существует!

— Это вы сами уплатили выкуп?

— Шеф...— явно обеспокоенный, начал было человек в зеркальных очках и положил ладонь на руку адвоката. Но тот остановил его жестом.

— Неважно, все равно теперь уже ничего не попишешь! Эти типы оставили в покое директора школы и сегодня утром позвонили прямо мне.

Ребята наострили уши, боясь пропустить хоть одно слово. Каждый из них понимал, что сейчас перед ними разворачивается одна из самых важных сцен этой затянувшейся драмы, начавшейся с похищения бродячего торговца.

— Да,— согласился адвокат,— выкуп уплатил я, но, как вы знаете, это было бесполезно. Старика до сих пор не отпустили.

— Если только он еще жив,— перебила его Россана.

— Он жив. Он передал мне записку в две строчки на одной из ассигнаций, которыми был уплачен выкуп. Номера ассигнаций, разумеется, переписаны, и похитителям это было прекрасно известно: трюк проще простого, чтобы дать мне знать, что в момент получения выкупа он был еще жив.

— Старик Пьеро написал вам? — удивленно спросил Фабрицио.

— Да, всего несколько слов, но этого достаточно.

— А почему он написал именно вам? — задал вопрос Микеле.

— Разве вы с ним знакомы? — изумился Руджеро.

— А как вы узнали, что это его почерк? — спросила Россана.

— Да заткнитесь вы все, черт возьми! — прорывал Сэм, порываясь подняться с дивана, но вновь достаточно было чуть заметного жеста адвоката, чтобы он успокоился и замолчал.

Алесси поглядел на платок, проверяя, идет ли еще

кровь, потом обвел взглядом ребят, задерживая его на каждом, и наконец улыбнулся.

— Человек, которого вы зовете дядюшкой Пьеро, мой отец, ребята,— проговорил он тихо, и все слышали, что голос его, кто знает почему, прозвучал печально.

16

Приоткрыв глаза, с трудом подняв голову, старик попытался взглянуть в знакомую фигуру, выросшую в слабо освещенном дверном проеме. Он чувствовал, что голова у него горит как в огне и в висках оглушительно стучит кровь.

— Тебе что-нибудь надо?

— Что... что?

— Воды дать? Пить хочешь?

Пьеро отрицательно покачал головой. Он был совершенно уверен, что в воду что-то подмешивают. У нее был горький вкус. С того самого дня, как его бросили в эту пору, к воде примешивают снотворное, поэтому он жил в постоянном полусне, и, может быть, жар у него тоже от этих наркотиков. Поэтому-то бандит и предлагает ему попить: он боится, что действие той отравы, которой он поил его утром, уже проходит. А вовсе не потому, чтобы облегчить его положение. Теперь они уже совсем перестали о нем «заботиться»: давали немного еды, чтобы он не отдал богу душу от голода, и совсем не обращали внимание на то, что у него все время держится высокая температура. Он чувствовал, что ему не выйти отсюда живым, но эта мысль теперь уже не пугала, а даже приносила облегчение. Он подумал о своем сыне — наверно, за эти дни он перевернул вверх дном весь город, чтобы найти его, и впервые за долгие годы старику захотелось его увидеть, увидеть, хоть на минутку, прежде чем умереть.

«Скорее бы он сдох»,— думал тюремщик, глядя на это жалкое подобие человека. Убить его у него не хватало духа. Эта мысль приходила в голову Большому Тоту десятки раз с того самого дня, как марсельцы поручили ему стеречь пленника. Но ему не очень-то хотелось пачкать руки. А главное, пришлось бы инсценировать, что старик умер своей смертью, не то эти типы, не задумываясь, прикончили бы его самого.

Он бесшумно прикрыл дверь и продолжал размышлять, уставившись себе под ноги. Когда адвокат Алесси перешел в контрнаступление и послал своих людей освободить старика отца, марсельцы только улыбнулись: в этом-то и заключался их план. Они хотели, чтобы Алесси обнаружил себя, тут-то они и прихлопнули бы его вместе со всей его компанией и захватили в свои руки все каналы, по которым проходит через Рим контрабанда,— каналы, контролируемые адвокатом Алесси.

Но их радость была недолгой. Их выкурили из норы, за ними начали охотиться. Несколько раз они еле успели унести ноги и теперь были приперты к стенке. «А иначе быть и не могло,— с горечью подумал тюремщик,— ведь они положились на мою банду, банду Большого Тото — Баржи, неаполитанца, умеющего только трепать языком, а недавно чуть было не отдавшего концы после этой проклятой перестрелки». Своих людей у них было всего двое-трое. И вот теперь, отказавшись от мысли переправить старика за границу, а также и от намерения прикончить его, они в конце концов решили отдать Пьеро ему на хранение. «Никому и в голову не придет подозревать тебя»,— объяснил ему месье Леклер, главарь их банды в Риме, маленький человечек со змеиной головкой, каждый день для безопасности менявший гостиницу.

— Проклятье! — со злобой пробормотал Большой Тото, направляясь к лестнице.

Он чувствовал, что петля с каждым днем затягивается все туже, и даже сейчас, когда Леклер дал ему еще денег, уверяя, что дело уже подходит к концу, на душе у него не стало спокойнее. Марсельцы, видя, что им никак не поддеть на крючок рыбку, предъявили адвокату Алесси ультиматум: или он выходит из игры и навсегда оставит контрабанду или его отец будет убит.

Тюремщик, однако, сильно сомневался, что они таким путем чего-нибудь добьются. Адвокат этот наверняка не отступится от такого жирного куска. Тем более что отец с сыном, похоже, были не в ладах: один чуть не нищенствует, а у другого денег куры не клюют, никогда они друг с другом не видятся. Более того: он слышал, что адвокат вообще не знал даже, что его папаша, пока того не похитили, живет в Риме. Одному богу известно, как этим чертовым марсельцам удалось пронюхать про столь полезное для их планов родство. Наверно, просто случай помог.

Мысль пришла ему в голову внезапно, когда он поднимался по лестнице, и по спине у него пробежал холодок. Эта гадость, ну, как ее, одним словом, лекарство, которое ему дают марсельцы, чтобы он его подмешивал каждый день старику в воду. «Полпорошка на литр воды», — напоминал ему всякий раз Пьер, француз, выполнявший роль связного. Он приходил ежедневно узнать, как чувствует себя пленник и нет ли чего нового. Так вот что надо сделать: дать старику два, а то и целых три порошка зараз. У него жар, и поэтому все время хочется пить. С завтрашнего же утра он начнет поить своего пленника этой водичкой, и к вечеру, может, наконец, и избавится от своего кошмара. А потом уж пусть Пьер и его дружки ломают себе голову, что делать с трупом.

«Бьюсь об заклад, что наконец-то выпутаюсь из этой истории!» — подумал он, потирая руки не столько от холода, сколько от радости, что нашел выход.

17

— Подведем итоги, Да Валле, — приказал начальник полиции и решительным жестом загасил сигару в большой мраморной пепельнице. Это совещание его утомило: он чувствовал легкое жжение в горле — верный признак начинающейся простуды, к тому же очень хотелось есть.

— Легко сказать, господин начальник. С одной стороны, у нас шайка марсельцев с их итальянскими сообщниками, прекрасно известные полиции тех городов, где они промышляют. Это организация международных контрабандистов. Мы почти уверены, что вертолет, замеченный рыбаками на борту небольшой яхты утром того дня, когда был вручен выкуп, тот же, что был использован при похищении. Поэтому-то нам и не удалось найти...

— Каков же вывод, Да Валле?

— С другой стороны, в Риме действует какая-то другая банда, но мы не знаем, кто ее возглавляет. Мы полагали, что в это дело как-то замешан живущий в Америке брат похищенного, но только сегодня утром Интерпол информировал нас, что человека с таким именем и фамилией вообще не существует...

— Ах, вот что!

— Да, именно так: это выдумка адвоката Алесси, и ему придется объяснить нам...

— Завтра же я получу у судьи Скарioni ордер на его арест.

— Прекрасно.

— Ну а что насчет этого старичка, дай бог ему здоровья? Удалось ли вам в конце концов выяснить, как его настоящая фамилия, поскольку Джербино не...

— Джардина, господин начальник.

— Ну да, но ведь и Джардина тоже не настоящее имя.

Комиссар обескураженно пожал плечами. Кто бы мог подумать, что следствие затормозится из-за такого вот пустяка. Присутствующие — с полдюжины полицейских чинов, сидящие по обе стороны длинного стола темного дерева, — взглянули на него с сочувствием.

— К сожалению, не удалось, господин начальник, мы ничего о нем не знаем. В этом-то и вся загвоздка. А кроме того, нам неизвестно, какое отношение имеет похищенный к вооруженной борьбе двух банд.

18

В полседьмого утра, сам того не ведая, некий Джанетто Чеккони значительно продвинул следствие — оно достигло той стадии, которую журналисты обычно называют «решительным поворотом событий». На своем мотоцикле, одном из тех «буйволов», что носятся с устрашающей скоростью и к тому же без глушителя, он остановился как раз под окном Россаны. Что-то в моторе барахлило — наверно, загрязнились свечи. Низко склонившись к мотору, чтобы хорошенько разглядеть, не каплет ли бензин, нет ли струйки дыма, Джанетто раз пять-шесть как следует газанул. Нет, все в полном порядке. Удостоверившись в этом, он еще раз газанул и умчался, как ракета, разбудив весь квартал.

Россана несколько раз похлопала ресницами в удивлении, что так хорошо выпалась. Она вспомнила, что накануне улеглась спать очень рано, и сейчас поняла, что больше не уснет. Она зевнула, потянулась и принялась размышлять о вчерашней странной встрече. «Теперь я прошу вас дать мне честное слово», — неожиданно сказал адвокат Алесси. Россана глядела на него и думала, что этот человек, несмотря ни на что, ей все-таки симпатичен. Его отчаяние, тот пыл, с которым он ищет отца, в ка-

кой-то мере искупают его темные делишки. «Я единственный, кто может найти моего отца, — продолжал адвокат, — потому что знаю, где его искать, и ни перед чем не останавлиюсь, лишь бы это сделать. Понимаете? Дайте мне немного времени, ну еще день-два, а потом можете рассказать полиции о том, что узнали». — «Но рано или поздно нам все-таки придется это сделать», — сказал Фабрицио, стараясь не думать о том, что человек в зеркальных очках преспокойно может сгрести их в охапку и запереть неизвестно на сколько в какой-нибудь кладовке, чтобы его хозяин мог без помех продолжать поиски. Но, как выяснилось, адвокат рассуждал иначе. «Все равно теперь я уже вне игры, и это навсегда», — сказал он с горькой улыбкой. «Почему?» — наивно спросил Микеле. «Я сказал марсельцам, что согласен на их условия. Но я не доверяю этим людям, так же как и они мне. Сейчас главное — отыскать то убежище, где они держат моего отца... если только он еще жив». В комнате наступила тишина. Единственный, кто, казалось, не следит за разговором, был Сэм (хотя кто поручится, что это действительно его имя?) — он сидел, опустив голову на руки и уставившись в пол.

Россана зевнула, вновь и вновь перебирая в памяти все эпизоды этого опасного и запутанного дела — начиная с рассказа о похищении, услышанного ею от мальчиков, и вплоть до вчерашнего разговора с адвокатом. Она размышляла, строила догадки, ей приходили на ум какие-то совершенно незначительные мелочи, совершенно невероятные предположения — странная, иногда просто дурацкая чепуха, которая лезет в голову, когда лежишь в теплой, мягкой постели и не спешишь вставать, так как в комнате холодно и неудобно. И вдруг, почти случайно, две внешне никак не связанные между собой детали сблизились на мгновение — ровно на столько, сколько потребовалось, чтобы мысленно соединить их, увидеть рядом. «Нет, это невозможно», — подумала, улыбнувшись, Россана и закусила губу, словно замороженная мелькнувшей догадкой. Разве можно кого-то подозревать на основании таких смехотворных данных? Нет, этого недостаточно, совершенно недостаточно. Она попыталась заставить себя думать о чем-нибудь другом, но ей это никак не удавалось. Может, стоит попробовать? Она могла бы рассказать о своей до-

Можно поговорить с адвокатом Алесси, но это все же опасные люди и могут взяться проверять ее предположение слишком... слишком рьяно. Нет-нет, лучше проверить это самой. Она отбросила одеяло и встала.

— Что это с тобой? — удивилась синьора Да Валле, в халате и с бигуди на волосах, входя в ванную и увидев дочь уже одетой.

Россана последним взмахом гребенки закончила борьбу со своей непокорной гривой и одарила мать широкой приветливой улыбкой.

— Меня разбудил этот мотоцикл. Ты слышала?

— Что? Ах, да... Но потом мы снова уснули.

— А я нет. Ты спешишь?

— Нет, можешь не торопиться, я пока поставлю кофе.

Так она успела до завтрака сделать свой первый звонок. Руджеро еще не совсем проснулся. Он выслушал ее инструкции, не перебивая, но, разумеется, ни черта не понял.

— Неважно, не задавай вопросов, — приказала Россана. — Главное, немедленно позвони остальным. Понятно?

— Честно сказать, нет. Но я подчиняюсь, мой командир.

— О'кэй. Чао!

Телефонный разговор, по счастью, прошел незамеченным, иначе пришлось бы придумывать какие-нибудь нудные объяснения. Кофе они выпили втроем (Джорджино не был ранней пташкой и редко когда раньше девяти просыпался) в гостиной, весело болтая о том о сем.

— Сегодня я хочу уйти пораньше, — объявила Россана. — Интересно, удастся ли мне хоть раз в жизни прийти в школу до звонка?

Никто с ней не спорил. Она оставила родителей обсуждать вопрос, стоит ли матери покупать новое пальто, и выскочила на улицу, как вихрь промчавшись мимо старого Паскуале — он даже не успел разглядеть, кто это. В маленьком баре на проспекте Льеджи был подходящий телефон-автомат, запрятанный в укромном уголке. Пулей влетев в бар, она, задыхаясь, чуть охрипшим от волнения голосом попросила жетон.

— Алло, — ответил голос в трубке — это был не Сэм, однако голос показался знакомым.

— Сэм дома? — спросила она несколько неуверенно. Может, она неверно набрала номер? Последовала пауза.

— А кто говорит?

— Это Россана. Россана Да Валле.

— А, Комиссарочка! — раздалось в трубке, и Россана сразу же узнала адвоката Алесси. Вот это повезло!

— Я хотела поговорить именно с вами, за этим и звоню Сэму.

— Слушаю тебя.

— Дело в том... Я хотела сказать, что мне в голову пришла одна странная вещь... одно предположение... И я собираюсь сегодня же утром его проверить. Я хотела... И думала... — В нерешительности она запнулась. — Черт возьми! Я думала, это будет совсем просто сказать.

— Что же именно? — подбодрил ее собеседник потной тревожного нетерпения в голосе.

— Я хотела спросить, куда смогу позвонить вам в случае... если...

— Сюда, звони мне сюда до... до обеда. Годится?

— Да, думаю, что да.

— Но разве сейчас тебе не надо идти в школу?

— К сожалению, надо, — со смехом ответила Россана.

Адвокат тоже засмеялся.

— В таком случае как же ты успеешь что-то проверить?..

— Это секрет. Надеюсь, все-таки успею.

— Хорошо, тогда до скорого!

— До скорого! — попрощалась Россана и повесила трубку.

И, словно застыв, осталась стоять у автомата, уставившись на аппарат старой модели, немного заржавевший и потемневший от времени. Может, ее догадка неверна? Теперь, когда настало время действовать, у нее от страха и волнения стоял в горле ком.

— Вы кончили говорить? — деликатно осведомился кто-то ангельским голосом.

Обернувшись, Россана увидела маленького худенького человечка, вопросительно кивавшего на освободившийся телефон. В смущении она улыбнулась.

— Извините, — сказала она, — я немного задумалась.

— Значит, договорились? Я могу быть уверена, что вы не бросите меня там одну, как идиотку?

— Иди, иди спокойно, — сказал Фабрицио, ободряюще подмигнув, а Руджеро кивком подтвердил ответ товарища.

— Ну, а ты что скажешь?

Микеле проглотил слюну. Он понимал, что самая трудная роль предназначена ему, и гордился этим, но вместе с тем и чуточку трусил. А вдруг он не сумеет сыграть ее достаточно правдоподобно? Он, конечно, понимал, что Россана выбрала именно его из-за бледности и болезненного вида; но все-таки, значит, она верит в него, и это льстило его самолюбию. Он улыбнулся и сказал, стараясь казаться как можно увереннее:

— Не сомневайтесь, все будет не хуже, чем на сцене!

— Ну, тогда пошли!

В это время у подъезда школы всегда было особеннолюдно. По ступеням каменного крыльца торопливо пробегали ребята, спешившие на занятия, и Джанфранко, прислонясь к дверной притолоке, как обычно, лениво наблюдал за порядком. Поравнявшись с ним, Руджеро, вместе с Микеле составлявший первую оперативную группу, помахал сторожу рукой:

— Ну, как здоровье? Тебе лучше?

— Немножко получше, но все еще простужен.

Ребята направились к лестнице, и в это время в подъезд вошли Россана с Фабрицио — вторая оперативная группа. Вдруг Микеле, словно падая, прислонился к стене, а Руджеро принялся кричать:

— Скорее, помогите, ему плохо!

— Что там стряслось? — спросил Фабрицио у школьного сторожа.

— Где? О чем ты?

— Да вон там. Кому-то худо.

Но Джанфранко уже услышал шум в глубине вестибюля и, прокладывая себе дорогу среди столпившихся школьников, бросился на помощь Микеле. К нему также поспешили и несколько преподавателей, только что вошедших в школу. Толпа в вестибюле росла на глазах.

— Пора! — шепнул Фабрицио, и Россана, прижимаясь к стене, бросилась в противоположную сторону, к двери в полуподвал.

Куда девалось ее недавнее спокойствие! Она боялась, что Микеле не сумеет как следует разыграть свою роль и ему влетит, боялась, что ее заметят, а больше всего ее пугало, как она вернется назад: Джанфранко как раз начнет подметать вестибюль. Он всегда около девяти утра, сразу после начала занятий, принимался за уборку. Нужно незаметно проскользнуть на лестницу, а если ее увидят,

сделать вид, что она возвращается из канцелярии, с первого этажа. А потом надо успеть в класс к началу второго урока. Все эти опасения и страхи, мешаясь и путаясь, молниеносно проносились в голове. И вот она уже в полуподвальном этаже! Россана приступила к его исследованию не спеша, без суеты, не зажигая света и стараясь не шуметь. Вот котельная, пара каких-то тесных закутков, несколько комнат, заваленных разным старьем, ненужным школьным хламом. По стенам длинных коридоров тянулось множество труб и толстых проводов. Россане показалось, что она попала в настоящий лабиринт, хотя она и знала, что эти подвалы не так уж и обширны. Вдруг дорогу ей перебежала маленькая мышка — видно, появление девочки ее несколько не испугало, но Россана при виде мышки подскочила от страха. Вообще-то она не боялась мышей, но сейчас нервы были так напряжены, что ее напугала бы и пролетевшая муха.

Бесшумно, стараясь ни за что не задеть, она скользнула в ту часть лабиринта, где царил полная тьма. Эти баррикады, должно быть, прислоненные к стене классные доски; чтобы убедиться, она дотронулась до них рукой и улыбнулась. Отслужившие свою службу, старые, выщербленные доски, вынесенные из классов и отправленные сюда, вниз, на пенсию, в компанию любопытных мышей и непочтительных пауков, ткущих свои воздушные мостики, перекинутые с одного конца доски на другой. Вокруг стояла пропитанная пылью тишина, и уличный шум, приглушенный и далекий, доносился сюда как легкий шорох, лишенный эха. В конце коридор расширялся, в эту его часть вела низенькая ступенька. Россана о нее споткнулась и чуть было не растянулась на цементном полу. Тут она увидела, вернее, угадала в темноте несколько дверей и попробовала толкнуть одну из них. Заперто!

И в ту же минуту ей показалось, что из-за соседней двери она слышит какой-то стон, звук голоса не то человеческого, не то звериного, от которого она оцепенела.

— Кто... кто там? — пролепетала Россана.

Молчание, и эта тишина была страшнее всякого шума. Она затаила дыхание, ей казалось, что там, за дверью, кто-то прислушивается, кто-то устроил ей засаду в сырой темноте этого полуподвала. Россана осторожно сместилась на шаг-два влево: она чувствовала, что достаточно самой малости — и она опрометью кинется отсюда на скорости восемьдесят километров в час и еще, может быть, будет

вопить при этом во всю глотку от страха, как самая последняя дура.

— Есть там кто-нибудь? — отважилась она спросить еще раз, и теперь протяжный стон — почти всхлип — вылился в одно еле различимое слово:

— Помогите!

— Дядюшка Пьеро, это ты? — спросила она, прильнув лицом к двери, которая чуточку поддалась — настолько, насколько позволяла цепочка. Заглянув в щелку, Россана убедилась, что ее невероятная догадка оказалась правдой.

«Задача номер один: вытащить его отсюда», — решительно сказала себе Россана и, отбросив всякую предосторожность, поискала выключатель и зажгла электричество. Это была одна из тех слабеньких лампочек, что горят в подвалах, — высоко под потолком, покрытая многолетней пылью и копотью. Но ее света было достаточно. Среди окружающего хлама она нашла то, что ей было сейчас необходимо: боковину от парты, массивного, хорошо выдержанного дерева.

— Теперь уж не делают больше таких вещей, дядюшка Пьеро, — сказала она, обращаясь к закрытой двери, хоть и знала, что старик не слышит ее, а если и услышит — все равно не поймет. Несколько секунд она разглядывала цепочку, тоненькую и проржавевшую, — запор поистине смехотворный.

— Держись! Иду на помощь! — объявила она, высоко занеся доску и выжидая, когда по улице протарахтит какой-нибудь грузовик или пройдет автобус: остановка была как раз перед школой.

От первого удара одно из колец, державших цепочку, сильно погнулось; при втором она не попала по цели, доска лишь скользнула по двери, но от третьего удара цепочка отлетела вся целиком. Блеснула даже маленькая искра, наполнившая сердце Россаны пьянящей радостью.

Она распахнула дверь и склонилась над несчастным стариком, скрючившимся на полу у стены крошечной каморки. Состояние его было ужасным, но у него все же хватило сил и ясности ума, чтобы открыть глаза. Часто мигая, он глядел на нее, пытаясь узнать, и от этого усилия его глаза, уже давно отвыкшие от света, начали слезиться.

— Пока что отложим официальное знакомство, — взяв его за руки, ласково сказала Россана.

Она не знала, что делать: взвалить беднягу на плечи ей было, не под силу, но и волочить его по каменному полу через все это нескончаемое грязное подземелье она тоже не могла. Пока что самое главное было — вытащить узника из этой тесной и вонючей норы.

— Ну, смелее!

— Да-да,— пробормотал старик, взволнованный и возбужденный.

Россана чуть не расплакалась, глядя, как он, поднявшись на ноги, пытается пойти, делает мелкие, неуверенные шажки, совсем как ребенок, который только учится ходить,— это было похоже на воскрешение мертвого. Ее переполняла такая радость и волнение, что она даже не вздрогнула, когда вдруг услышала прямо у себя за спиной голос:

— Молодец! А что ж ты теперь будешь делать?

Позади нее стоял Джанфранко с графином воды в одной руке и с топором на коротком топорище в другой. Не отрывая от нее взгляда, он, согнув колени, поставил графин на пол. Собрав все свое хладнокровие, Россана презрительно улыбнулась. Но положение было поистине отчаянным.

— Значит, это ты был сообщником? Я так и думала,— проговорила она.

Сторож смотрел на нее с серьезным видом, плотно сжав губы. На старика он не обращал никакого внимания.

— А как ты догадалась?

— Помнишь тот день, когда его похитили? Ты чем занимался в тот момент, когда мои приятели вошли в вестибюль, а около подъезда какие-то бандиты набросились на дядюшку Пьеро? Ты подметал пол, а ведь обычно ты торчишь у дверей и дожидаясь, пока все не войдут, и уборку никогда не начинаешь раньше девяти. А когда ребята выскочили обратно на улицу, ты что делал? Ты себе преспокойненько остался внутри, чтобы потом тебя не тягали в свидетели, а главное, ты знал, что эти мерзавцы могут начать стрельбу, и вовсе не хотел схлопотать себе пулю. Ведь верно, Джанфранко?

Сторож мрачно кивнул, и Россана поняла, что он растерян и испуган, наверно, не меньше, чем она.

— Поэтому потом, когда тебя допрашивал мой отец, ты заявил, что ничего не слышал и не видел, хотя Руджеро, выбежав на улицу, громко закричал, что похитили старика Пьеро. Поведение мало сказать странное. И вот, немножко пораскинув умом, я в конце концов пришла к выводу,

что ты у них вроде наводчика: похитители тебя использовали, чтобы ты помог осуществить их план — информировал об уличном движении у школы, о времени начала занятий, о том, когда приходит продавец завтраков, а может, и о том, когда поблизости от школы нет полицейских. Не так ли, Джанфранко?

— Да, верно. Но как тебе удалось найти старика?

— Знаешь, именно потому, что я подозревала тебя. На днях я видела, как ты, несмотря на высокую температуру, подметал вестибюль, это ты-то, который из-за простого насморка берешь больничный лист и заваливаешься на целую неделю в постель. Глядя на тебя, можно было подумать, что ты не в силах расстаться со школой ни на минуту. С чего бы это? А тем временем люди адвоката Алесси перевернули вверх дном весь город, но так и не смогли найти старика, хотя ваша шайка уже распалась и все вы думаете уже не о том, чтобы нападать, а о том, как бы лучше спрятаться. И вот сегодня утром мне пришло в голову одно предположение. «А что, если вдруг, — подумала я, — его прячут именно в школе?» Вот я и пришла... Да, кстати, а как это он здесь оказался?

— Это после того, как у них взорвалась бомба. Они сказали, что меня никто не станет подозревать, что лучше такого тайника ничего и не придумаешь...

— И тебе дали денег...

— Конечно, ведь должны были они мне заплатить.

— Вот ты и обрадовался, купил себе часики...

Сторож наморщил лоб: последней фразы он не мог взять в толк. В самом деле он купил себе замечательные часы, но откуда эта проклятая девчонка об этом узнала? Россана, поняв ход его мыслей, улыбнулась.

— Тебе сильно не повезло. Моему отцу давно хочется иметь именно такие часы. Он о них мечтает уже два года, и у нас дома все знают, сколько они стоят: шестьсот тысяч лир! Конечно, учитель истории говорит, что вы, школьные сторожа, получаете больше, чем преподаватели, но все-таки же не так много. Вот видишь: отец никак не может купить себе такие часы, потому что он живет на свое жалованье. Потому что он честный человек, а не преступник, как ты.

Джанфранко крепче сжал топор, Россана инстинктивно попятилась и пятилась до тех пор, пока не уперлась спиной в стену. Старый Пьеро, словно застыв, продолжал стоять неподвижно в дверном проеме; он тяжело дышал от

затрачиваемых им усилий и не произносил ни звука, словно уже смирившись со своей судьбой.

— Сейчас ты у меня навсегда заткнешься, — прорычал сторож, медленно надвигаясь на нее, и Россана решила, что уже пора выложить свой главный козырь.

— Это тебе не поможет, ты попался. Меня ждут товарищи, они знают, что я спустилась сюда, — сказала она, и Джанфранко остановился, недоверчиво глядя на нее.

— Не надейся, что тебе удастся меня провести...

— Нет, я и не думаю врать: они нарочно разыграли комедию, чтобы я могла незаметно сюда пробраться.

— Комедию? Какую комедию?

— Да с тем мальчишкой, которому вдруг плохо сделалось. Это и был мой товарищ. В этом-то и заключался весь трюк: ты побежал в одну сторону, а я бросилась в другую!

Потная физиономия Джанфранко от злости пошла красными пятнами. Он сжал зубы так крепко, что Россане показалось, что она слышит их скрежет.

— Этот... этот сопляк, этот молокосос, значит, ломал комедию, притворялся, что ему плохо?

— Ну да!

— И я должен был еще тащить его на себе тридцать ступенек вверх по лестнице! Вот мерзавец!

В менее драматической обстановке над этим можно было бы здорово посмеяться. Но сейчас было не до смеха. Это была только короткая передышка, и опасность грозила по-прежнему. Джанфранко перевел дыхание, до него только сейчас дошло то, что сказала Россана. Значит, кроме этой девчонки, этого исчадия ада, обо всем знает еще целая банда чертовых мальчишек и, может, сейчас они уже обсуждают, не пора ли рассказать все учителю! Он понял, что игра проиграна, и решил действовать.

— С тобой я все равно разделаюсь, прикончу вас обоих.

— А зачем? Что это тебе даст? — попыталась выиграть время Россана, чувствуя, как у нее дрожат колени.

— Я еще успею спокойненько смыться.

— Но ты ведь можешь запереть нас в этом закутке, — посоветовала она, прекрасно понимая, что дело принимает скверный оборот.

Сторож отрицательно покачал головой.

— Ну, нет: вы начнете орать, а у тебя, пожалуй, хватит силенок, чтобы вышибить такую дверь.

Если бы Россана знала, что за вода была в графине,

она сразу же нашла бы решение: предложила Джанфранко дать ей выпить вместе со стариком этой отравы. Они пролежали бы в забытии долгие часы — больше чем достаточно, чтобы этот негодяй успел смыться. Но она этого не знала, а парень с перепуга совсем позабыл о разведенном в графине наркотике.

— Отойди! — крикнула Россана, с храбростью отчаяния хватая тяжелый обломок парты, которым она сбила дверной запор.

— Осторожней! — прошептал ей старик, пытаясь выпрямиться, хотя и до того, как его похитили и довели до теперешнего состояния, дядюшка Пьеро вряд ли был бы в силах прийти на помощь своей избавительнице.

— Ни с места! — приказал сторож, приближаясь, но вдруг дядюшка Пьеро протянул руку и указал на что-то в темноте:

— Там кто-то есть!

Если бы это произнесла Россана, Джанфранко решил бы, что это уловка, хитрость. Но этот умирающий старик вряд ли был способен на такие выдумки. В самом деле послышались шаги — кто-то действительно к ним приближался, потом шаги остановились, и чей-то голос спросил:

— Эй, кто там?

— Сэм! — пронзительно закричала Россана, сразу словно опьянев от радости и чувства облегчения.

Она даже не спросила себя, каким образом детектив смог попасть в это темное подземелье и разыскать их: сейчас это ее ни капельки не интересовало.

Правая рука адвоката Алесси — человек в зеркальных очках сделал еще несколько шагов по направлению к ним и, войдя в освещенное пространство, увидел Россану, стоящего рядом с нею старика, парня с топором в руках и моментально разобрался в ситуации.

— Обоим не шевелиться, — приказал он (такого решительного и уверенного голоса Россана не слышала еще никогда в жизни).

Потом обратился к сторожу, который незаметно чуточку сместился в сторону, чтобы следить за действиями вновь пришедшего, не теряя при этом из виду двух своих пленников, и продолжал судорожно сжимать в руках топор:

— А ты дай-ка мне эту штуку.

Встретились профессионал, прекрасно обученный всем видам борьбы против вооруженного противника, и

охваченный ужасом жалкий дилетант. Джанфранко застыл неподвижно, не сводя глаз с незнакомца. Сэм щелкнул пальцами.

— Ну-ка живей дай мне топор, парень.

Россана удивилась, почему Сэм не вооружен. Если бы у него был в руке пистолет, все было бы кончено в несколько секунд: Джанфранко наверняка не стал бы сопротивляться.

— Последний раз тебе говорю, слышишь, последний раз! Не то не успеешь сосчитать до трех, как от тебя останется мокрое место. Эта железяка тебе не поможет. Ну, деточка, скорей, слушайся дядю.

Совершенно неожиданным, ошеломительным прыжком Джанфранко попытался проскочить мимо незнакомца, и это почти было ему удалось. Сэм сумел догнать его только в коридоре, бросившись ему под ноги. Схватка была мгновенной. Не прошло и нескольких секунд, как Сэм возвратился к ним совершенно спокойный, как ни в чем не бывало, только пиджак у него был чуточку помят. Он сказал:

— Поехали, у меня на улице машина.

20

Совсем как в кинофильме, из соседней комнаты вышел врач, вытирая руки белоснежным полотенцем, с лицом, еще хранящим следы напряжения и усталости, и, как в фильме, сказал:

— Ничего, он выкарабкается.

Россана, Сэм, адвокат Алесси и мужчина средних лет, лысый и усатый, которого Россана раньше никогда не видала, с облегчением вздохнули. Потом врач посмотрел на девочку с явно обеспокоенным видом, и хозяин дома прочел его мысли.

— Будь спокоен, она тебя не выдаст.

Россана смекнула, что этот врач, наверно, приятель адвоката; он соглашается лечить, оперировать, оказывать первую помощь, не задавая никаких вопросов и не докладывая полиции, как это полагалось, если дело шло об огнестрельных или ножевых ранениях. Его провожал лысый, который, несмотря на холод, был весь в поту. На пороге лысый обернулся к адвокату.

— Еще полчаса, самое большее — минут сорок пять,—

проговорил он тихо, возможно, чтобы его не услышал доктор, и вышел из комнаты.

Адвокат Алесси медленно подошел к Россане, улыбнулся, взял ее за руку и подвел к широкому окну, из которого открывался вид на уголок старого Рима.

— Ты вольна уйти отсюда когда хочешь и рассказывать все, что тебе вздумается. Надеюсь, отец не будет на тебя сердиться, что ты не сразу рассказала ему о том, что знаешь. Мне не хотелось бы, чтобы ты имела из-за меня еще новые неприятности, — хватит с тебя и того, что ты уже хлебнула.

Чтобы успокоить его, Россана покачала головой. Некоторое время все молчали, отнюдь не испытывая при этом никакой неловкости. Это была пауза, передышка, необходимая, чтобы немного расслабиться, и все ею с удовольствием воспользовались, даже Сэм, небрежно раскинувшийся в большом кресле.

— Видишь ли, мой отец жил на Сицилии, в городе Сиракузе, и я заботился обо всем для него необходимом. Так продолжалось долгие годы, пока он не узнал, чем я занимаюсь на самом деле.

— Контрабандой?

— Ну да. Он милейший человек, ведь ты сама его немножко знаешь, но настолько честен и чист душой, что, боюсь, я просто не в состоянии его понять. Он написал мне письмо... Но лучше не стоит об этом говорить. Одним словом, однажды он исчез, и я надолго потерял его из виду. Когда-то, еще до того, как я взял на себя заботу о нем, он был бродячим торговцем, и теперь, на старости лет, на пороге семидесяти, снова этим занялся. Разумеется, я искал его, но безуспешно. Если бы я знал, что он здесь, в Риме, я сразу бы его нашел, но я даже и не подозревал, что он так близко. Просто ума не приложу, как об этом разнюхали марсельцы. Они решили использовать старика, чтобы начать меня шантажировать, подбросили сигареты с марихуаной, чтобы пустить полицию по ложному следу. С этой же целью уничтожили в муниципалитете документы, где был зарегистрирован лоток, с которого торговал отец. Таким образом, никто не мог установить какую-нибудь связь между его похищением и мною. Но это, замечу в скобках, оказалось удобным и для меня — я смог начать действовать в открытую, не навлекая на себя никаких подозрений. Как видишь, план марсельцев был очень прост. Сначала они хотели заставить меня себя

обнаружить, чтобы покончить со мною, и мало того — при этом еще финансировали всю операцию на мои денежные, полученные ими в виде выкупа. А потом, увидев, что ничего не выходит и им самим грозит опасность, использовали свой последний шанс — предъявили мне ультиматум: или брось все, или мы убьем твоего отца. Они были уверены, что я на это никогда не пойду.

— А на самом деле?

— А на самом деле я согласился все бросить. Я устал, я хотел спасти отца. А кроме того, они не первые, кто хотел меня убрать, и уверяю тебя, что и не последние, есть много других, кто еще попытается сделать это!

— Да, понимаю.

— Знаешь ли, — сказал адвокат, глядя отсутствующим взглядом на древние темные крыши города, — у меня двое детей старшему столько же, сколько тебе. Я не хочу превращать их в сирот.

— Понимаю, — неуверенно пробормотала Россана.

Адвокат посмотрел ей в глаза.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь: что я еще легко отделался, что этого недостаточно, чтобы искупить все, что я натворил за последние годы. Но такова жизнь: не бывает так, чтобы все люди делились только на очень хороших или на очень плохих. Все мы не очень хорошие, но и не совсем плохие, все мы зависим от обстоятельств, в которые попадаем, — и ты, и Сэм, и мой отец. Я совершил немало такого, о чем никогда не захочу рассказать своим детям. Но теперь со всем этим покончено, и с меня достаточно этого сознания. Не знаю, можешь ли ты понять меня, но я надеюсь, что сможешь.

— Я тоже надеюсь, — не колеблясь ответила Россана, также прямо взглянув ему в глаза.

Адвокат протянул ей руку:

— Как мне отблагодарить тебя? Ведь это ты нашла моего отца и для этого даже рисковала жизнью.

— Да никак. Я рада, что тоже на что-то пригодилась!

— Ну что ж, в таком случае до свидания. Проводи синьорину, — сказал адвокат, обращаясь к Сэму.

Тот сразу же вскочил с кресла. Россана улыбнулась.

— Боюсь только, что бедный Сэм останется без работы.

— Хочешь, возьми меня в телохранители, — предложил, смеясь, юноша, но Россана отрицательно покачала головой:

— Не нуждаюсь: я могу защитить себя сама.

— Ты что — думаешь, я не вижу? Если бы я вовремя не подоспел, чтобы избавить тебя от этого трусливого идиота, ты сама пришибла бы его своей дубиной. В ней было весу килограммов двадцать.

— До свидания! — сказал адвокат Алесси.

— До свидания! — сказал Сэм, распахивая дверь лифта и кланяясь.

— До свидания! — сказала Россана, помахав им рукой. Но она хорошо знала, что это «до свидания» означает «прощай». Эта квартира опустеет через тридцать или сорок пять минут, как сказал, уходя, тот лысый и уса́тый мужчина.

Рим раскрыл перед ней свои объятия, встретив неожиданно теплым, солнечным, безветренным полднем. Улицы были полны веселых и как ни странно, даже никуда не спешащих прохожих, сытых кошек, нетерпеливых машин, жаровен с печеными каштанами, туристок в бикини из яркой махровой ткани, длинноволосых, по моде, регулировщиков уличного движения, семинаристов и священников, свежепротертых витрин, кипящей повсюду жизни.

21

Отлично идут дела у Марчелло Кантони, тридцати пяти лет от роду, главы процветающей фирмы по продаже продовольственных товаров. Вся его «фирма» — мотоцикл с маленьким кузовом наподобие грузовичка, где имеется все необходимое для завтрака, сытного, вкусного и быстрого (эти три прилагательных и являются девизом фирмы, начертанным на борту мотоцикла).

Более всего Марчелло Кантони, уроженца городка Латини и живущего в Риме уже лет двадцать, радуется то, что ему удалось найти это столь удачное для своей торговли местечко — прямо около большой школы с сотнями вечно голодных и веселых ребят, непрерывно штурмующих его «буфет», словно индейцы, нападающие на фургоны первых переселенцев на Дальнем Западе. За одно утро ему удастся собрать такую выручку, которой не набиралось и за целых три дня на его старом месте возле вокзала Тибутина.

Утром, в двадцать пять минут девятого, идет последняя волна. Потом последуют часа два заслуженной передышки. Он дождался, пока целая колонна спешащих школьников

поравняется с его мотоциклом, и начал нахваливать свой товар:

— А вот бутерброды на любой вкус: с колбасой вареной и копченой, с салом и ветчиной, с сыром и брынзой, креветки и маслины. Налетай, ребята, подходите по одному.

С невероятной быстротой, проворный, как обезьяна, он принялся раздавать бутерброды, заворачивать их в бумагу, получать деньги, давать сдачу под добродушным взглядом наблюдавшего за ним с порога школы нового школьного сторожа — толстяка с широким, как блин, лицом, похожего на комика Альдо Фабрици.

— Мне с копченой говядиной, — как обычно, начал заливать Паоло Костантини — просто так, чтобы разозлить нового владельца «школьного буфета».

Тот, и впрямь удивленный, поднял на него глаза.

— С какой еще тебе копченой говядиной? Чего нет, того нет, — пробормотал он, не понимая, что над ним смеются и хотят поддеть: ведь главный предмет его гордости — именно разнообразие выбора предлагаемых «фирмой» бутербродов.

— Ну ладно, тогда давай с колбасой, — промычал Паоло, притворяясь сильно разочарованным.

— С вареной или копченой?

— С копченой, тогда, может, не отравлюсь.

— Отравишься? — завелся Марчелло Кантони, и от ярости в глазах у него потемнело. Но увидев, что ребята вокруг посмеиваются, он понял, что это всего лишь шутка. — С тебя две сотни, — протянул он пакетик парнишке.

Тот дал ему деньги и направился к школьному подъезду, на ходу жуя свой бутерброд.

В половине девятого час «пик» кончился, Марчелло Кантони поглядел на небо. Опять ветреный денек: ветер гнал по небу белые кудрявые облачка. То и дело мимо проносились газетные листы — одни облепляли машины, другие застревали на голых ветвях деревьев.

«Теперь самый раз закурить трубочку и маленько передохнуть», — подумал Марчелло и, не теряя времени, вытащил из кармана непромокаемой куртки свою любимую трубку «Ронсон». Эту привычку он приобрел года два-три назад, чтобы поменьше дымить. К тому же курить трубку подешевле, да оно и приятнее.

— Привет! — поздоровался с ним, пробегая мимо, какой-то опаздывающий мальчишка. Он ответил ему, кивнув головой, и чиркнул спичку, прикрывая ладонями огонек.

Тут же уголком глаза он заметил новую группу школьников — трех мальчиков и с ними кудрявую девочку. «А вот еще твои клиенты, Марчелло», — подумал он, успев пару раз сильно затянуться и выпустить белоснежную струйку дыма. Увидев его, все четверо остановились как вкопанные, шагах в десяти. Марчелло Кантони с удивлением взглянул на ребят. С чего это они вдруг на него так уставились?

Для пущей важности он сделал вид, что полностью поглощен своей трубкой: наморщив лоб, несколько раз глубоко затянулся, скосив глаза на чашечку трубки, раскаленную, как вулкан перед извержением. Он увидел, как четверка, не сводя с него глаз, обменялась между собой несколькими словами, а потом двинулась к подъезду школы. Торговец встряхнулся: бизнес прежде всего.

— А вот бутерброды — с колбасой разных сортов, с ветчиной и сыром... Не правда ли, аппетитные? Поглядите только, что за товар...

От изумления он остолбенел. Все четверо бегом промчались мимо, даже не взглянув на него, не удостоив ни единым взглядом его замечательные бутерброды. Ему показалось, что девочка была чем-то взволнована, а может, даже расстроена. Но потом, несколько минут спустя, когда, зажав в зубах трубку, он вновь погрузился в созерцание чисто выметенного ветром неба, он подумал, что это ему наверняка только показалось.

К читателям

Отзывы об этой книге
просим присылать по адресу:
Москва, 125047, ул. Горького, 43
Дом детской книги.

Для среднего и старшего возраста

Энцо Руссо

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ РОССАНА

Повесть

ИБ № 6077

Ответственный редактор А. С. Ляуэр. Художественный редактор Н. З. Левинская. Технический редактор И. С. Широкова. Корректоры А. Г. Петроченко и М. Ю. Сиротникова. Сдано в набор 05.09.83. Подписано к печати 08.02.84. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. кн.-журн. № 2. Шрифт академический. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,88. Усл. кр.-отт. 6,15. Уч.-изд. л. 6,48. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4165. Цена 40 коп. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Суэвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».